

Я СМОТРУ НА ТЕБЯ ИЗДАЛИ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Фенька – Femme Fatale

Татьяна Полякова

Я смотрю на тебя издали

«ЭКСМО»

2012

Полякова Т. В.

Я смотрю на тебя издали / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2012 — (Фенька – Femme Fatale)

ISBN 978-5-699-60287-2

Я смотрю на тебя издали... Я люблю тебя издали... Эти фразы как рефрен всей Фенькиной жизни. И не только ее... Она так до конца и не смогла для себя решить, посмеялась ли над ней судьба или сделала царский подарок, сведя с человеком, чья история до боли напоминала ее собственную. Во всяком случае, лучшего компаньона для ведения расследования, чем Сергей Львович Берсенев, и придумать невозможно. Тем более дело попало слишком сложное и опасное. Оно напрямую связано со страшной трагедией, произошедшей одиннадцать лет назад. Тогда сожгли себя заживо в своей церкви, не дожидаясь конца света, члены секты отца Гавриила. Правда, следователи не исключали возможности массового убийства, а вовсе не самоубийства. Но доказательства этой версии так и не смогли обнаружить. А Фенька смогла. Но как ей быть дальше, не знает. Ведь тонкая ниточка истины, которую удалось нащупать, тянется к ее любимому Стасу...

ISBN 978-5-699-60287-2

© Полякова Т. В., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Полякова

Я смотрю на тебя издали

Дорога оказалась скверной. Время от времени машину подбрасывало, и тогда я открывала глаза и хмуро оглядывалась. Уснуть не удавалось, впрочем, я на это не особенно рассчитывала. Жизнь моя давно вступила в ту фазу, где бессонница вещь вполне обыденная. Днем кое-как справляешься с тоской, улыбаясь и болтая без умолку, а ночью, оставшись одна, безуспешно пытаешься избавиться от назойливых мыслей. Странная жизнь в режиме ожидания. Правда, теперь прибавилась еще одна проблема: неизвестно, чего я жду. Раньше я хотя бы могла ответить на этот вопрос: жду, когда Стас здесь появится или когда я вдруг наберусь смелости и нагряну туда, где жил он, – в славный город Санкт-Петербург. Мы встретимся, и, возможно, из этого что-то получится. Говорю «что-то», потому что точного ответа и на этот вопрос я не знала. Но моей святой вере это, конечно, не мешало. А если у человека есть вера, ему в этом мире живется не в пример легче, по крайней мере, так утверждают умники.

Не могу сказать, что мне было уж очень легко, но, безусловно, стало хуже, когда Стас обосновался в нашем городе. Мы встретились, то есть можно было смело сказать: мечты сбылись хотя бы в том, что касалось первой части моих ожиданий, но ничего хорошего из той встречи не вышло. Удивлять это вряд ли должно, но от боли не избавило.

Стас был где-то рядом, не думать о нем я не могла, но исправно делала вид, что меня это не касается. Вероятно, актриса из меня никудышная, потому что ни склонность к болтовне, ни моя улыбка от уха до уха сестрицу Агату обмануть не могли, хотя адресовались в основном ей. Комедии, которые я разыгрывала, по идее, должны были внушить сестре уверенность, что со мной полный порядок. Мое состояние она определила как «любовные мытарства», предлагала с ними завязывать и ставила в пример себя. Надо признать, со своими мытарствами она справлялась куда лучше, называла Берсеньева своей бывшей любовью и отношения с ним упорно считала вполне дружескими. По пятницам, когда мы встречались теплой компанией, Агатка награждала его приятельским поцелуем, их дружба росла и крепла, причем до такой степени, что они уже пару раз встречались наедине, пили кофе и мило болтали, по словам Агатки. Однако, несмотря на явный прогресс, сестрица признавалась, что иногда вместо дружеского поцелуя ей хотелось влечь ему хорошую затрепщину.

После памятного свидания со Стасом прошло несколько месяцев, и с тех пор мы ни разу не встречались, хотя в городе численностью в полмиллиона жителей случайная встреча скорее правило. То ли Стас очень старался, чтобы такая встреча не состоялась, то ли звезды были к тому не расположены. И я понятия не имела, хорошо это или плохо. Если верить Агатке – хорошо, и даже очень, но согласиться с этим было все-таки трудно. Одно я знала абсолютно точно: твердости сестрицы у меня нет и в помине, и, доведись мне повстречать свою «былую любовь», вести себя так, как она с Сергеем Львовичем, я бы не смогла. И пытаться не стоит. В общем, приходилось признать: то, что судьба держит нас с ним на расстоянии, скорее хорошо.

Дабы я окончательно не свихнулась от своих душевных переживаний, сестрица старательно загружала меня делами, что было проще простого: я работала в ее адвокатской конторе, и она искренне считала, что может распоряжаться моим временем по своему усмотрению. Будь я в ином расположении духа, непременно бы возмутилась, но теперь, против обыкновения, не только терпела, но даже была рада этим самым делам, по большей части не особо нужным ни мне, ни ей. Все лучше, чем лежать на диване в попытках найти выход там, где его, похоже, просто не имелось.

Эту поездку смело можно было считать одним из таких никчемных дел. Школьная подруга Агатки выходила замуж, жених ее жил в соседнем областном центре. Судьба их свела на семинаре, потом они примерно полгода встречались, то он навещался к ней, то она к нему,

пока не решили, что далее по жизни должны двигать рука об руку. Свадьбу играли в городе, где проживал жених, и сестрица с удовольствием откликнулась на приглашение. Ясно, что мне на этой свадьбе делать было нечего, но сестрица сказала: «Поедешь со мной». Я попыталась возразить, честно признавшись, что школьную подругу Агатки припоминаю с большим трудом, и то после того, как сестрица сунула мне под нос фотографию своего выпускного класса, где счастливая невеста Ольга Кириллова была запечатлена рядом с Агаткой. В тот же вечер Ольга позвонила мне на мобильный и сказала, что ждет меня и очень обидится, если я не приеду. Интересно, что ей наплела сестрица? Впрочем, для ее изворотливого адвокатского ума это плевое дело.

Свадьбу назначили на субботу, но мы отправились в пятницу вечером, хотя никакой необходимости я в этом не видела: до соседнего областного центра всего-то двести километров, и преодолеть их мы могли максимум за три часа. Но Агатка настояла на том, чтобы ехать в пятницу, заночевать в гостинице (квартира жениха мало приспособлена к слету гостей), а утром, выспавшись и прогулявшись по городу, не спеша подготовиться к бракосочетанию: сделать прическу, купить цветы и прочее в том же духе.

Настойчивость сестрицы вызвала у меня кое-какие подозрения. В пятницу вечером мы по уже заведенному порядку должны были ужинать в компании Сергея Львовича – бывшей Агаткиной любви – и Димки. И намерения сестрицы отправиться после насыщенного трудового дня за двести километров могли быть продиктованы вовсе не желанием спасти меня от весенней депрессии. Вероятно, дружба с Сергеем Львовичем требовала куда больших душевных сил, в чем Агатка признаваться не желала.

На свадьбе сестрица вела себя очень мило, особенно с многочисленными друзьями жениха, против обыкновения, ни разу не дав понять, что господь создал их по какой-то нелепой прихоти, а потом горько сожалел об этом. Мужики Агатку побаивались и предпочитали держаться на расстоянии, но только не в этот раз. Моя сестрица пользовалась оглушительным успехом, умудрившись затмить невесту, и в воскресенье вечером до машины, стоявшей на парковке возле гостиницы, нас вызвались проводить сразу четверо мужчин, и, по крайней мере, двое из них искренне надеялись, что встреча с моей сестрицей станет чем-то большим, нежели случайное знакомство. Я, в отличие от Агатки, была вялой и общением пренебрегала, решив, что у сестры сегодня бенефис, а значит, мне напрягаться ни к чему. Но на прощание ручкой махала охотно, желая тем самым доставить удовольствие сестрице. Однако, как только гостиница осталась позади и группа мужчин исчезла из поля зрения, Агатка нахмурилась и вроде бы даже забыла о моем присутствии, по крайней мере, рта не открывала.

– А этот с хвостиком ничего, – заметила я без особой, впрочем, уверенности.

– Ага, – кивнула Агатка.

– Чего «ага»? Может, это судьба...

– Что за хрень, – в досаде перебила она, покачав головой, я было решила, определение «хрень» относится к моему высказыванию, но тут она продолжила: – По сравнению с ним прочие мужики совсем не выглядят...

– Ты имеешь в виду Берсеньева? – спросила я, прекрасно зная ответ.

– Интересно, – хмуро продолжила Агатка, не обращая внимания на мои слова. – Он в самом деле так хорош или это я совсем без мозгов, оттого мужик средней паршивости кажется мне бесценным сокровищем?

– Ты считаешь Сергея Львовича бесценным сокровищем? – насторожилась я.

Агатка взглянула с неудовольствием, заподозрив меня в издевке, которой и в помине не было.

– Это образно, – фыркнула она и вновь покачала головой. – Просто пытаюсь понять, что не так.

– Он не сокровище, – заметила я. – Но и назвать его мужиком средней паршивости язык не поворачивается. Если мне дозволено будет сказать, истина аккурат посередине.

– По-твоему, моя бывшая любовь все еще настоящая? – засмеялась Агатка. Я пожалала плечами. Спорить с Агаткой себе дороже, особенно в таких вопросах. – Я точно знаю, что ничего у нас с Берсеньевым не будет, – продолжила она. – И Юра действительно неплохой парень. Но встречаться с ним совершенно не хочется.

– Должно пройти время, – философски заметила я и нарвалась.

– Ага, чему ты яркий пример. Годы идут, а в твоей башке все те же тараканы.

– Будем считать, что я исключение из правил.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – принялась мне вправлять мозги Агата. – Ты упорно цепляешься за свою любовь. Она куда важнее самого Стаса. Улавливаешь?

– Не очень. Мы о чьей любви сейчас говорим?

– Со мной, по крайней мере, все ясно, – проворчала она. – Я пытаюсь. Может, выходит не так хорошо, как хотелось бы... должно пройти какое-то время, тут ты права... и все встанет на свои места. А ты...

– Отвали, – попросила я ласково, отвернувшись к окну и сделала вид, что впадаю в дрему.

– Наградил господь сестрицей, – буркнула Агатка в ответ.

– Ты зануда, – не осталась я в долгу. – Вылитая мамуля. Решай свои проблемы, а я со своими как-нибудь разберусь.

– Как же, разберешься... плывешь по течению, как известная субстанция...

Наконец Агатка все-таки замолчала, а я в самом деле попыталась уснуть, не очень-то рассчитывая на удачу и злясь на сестру. Мы могли бы обсудить ее потенциальных женихов, что, безусловно, скрасило бы нам дорогу, а заодно избавило бы меня от мрачных мыслей, а теперь они тут как тут и отделаться от них не представляется возможным.

Шея у меня затекла от неудобной позы, я выпрямилась, посмотрела на Агатку, а потом за окно.

– Где мы? – спросила, зевая.

– Хрен знает, – ответила сестрица. – Только что проехали какой-то поселок.

Я перевела взгляд на навигатор, до границы областей оставалось примерно тридцать километров. Движение на трассе в пятницу вечером оказалось весьма оживленным. Возникло ощущение, что мы едем в тоннеле, слева и справа вереница фур. Вместо трех часов, как предполагалось, мы потратили куда больше времени, потому что шел ремонт моста, движение открыто лишь в одну сторону, в результате образовалась огромная пробка. Вряд ли мост за выходные отремонтировали, по этой причине мы решили возвращаться другой дорогой. На карте она, по крайней мере, была. Была и в действительности. Рывтины и ухабы, конечно, имелись в изобилии, но, если не придирааться, выглядела дорога ничуть не хуже, чем в прочих местах, где довелось побывать.

Весна в этом году выдалась ранняя, и снег, как это часто у нас случается, сошел вместе с асфальтом. Кое-где асфальт вспучило, приходилось объезжать «ежи» на дорогах, именно так их незамедлительно окрестила Агатка.

Дорога, если верить карте, на сорок километров длиннее федеральной трассы, соединявшей два областных центра, зато машин практически нет. По крайней мере, в настоящий момент мы пребывали в одиночестве, и никаких тебе ремонтных работ на мосту, впрочем, как и самого моста.

По обеим сторонам дороги высились лишенные листьев березы вперемешку с елями. Места здесь были, если верить молве, дикие и тянулись на сотни километров, это уже не молва, а факт, о чем свидетельствовал навигатор. От нечего делать я продолжила разглядывать карту, ближайший населенный пункт в двадцати километрах. Это прямо по шоссе, а леса слева и справа и вовсе необитаемы.

– Странно, что в наше время еще сохранились подобные места, – подумала я вслух.

– Глухомань, – кивнула Агатка. – Говорят, грибов тьма. У Верки где-то здесь дача.

– Не здесь, ближе к границе, – ответила я. Верка – секретарь Агаты. Насколько я знала, к дачной жизни она особых пристрастий не питала, впрочем, как и мы с сестрицей, но о грибах всегда говорила с большим воодушевлением. Я взглянула на часы, скоро начнет темнеть. Пейзаж за окном и так радостным не назовешь, а в темноте тут, должно быть, чувствуешь себя весьма неуютно. Я вздохнула, устраиваясь в кресле поудобнее, как вдруг Агатка сказала:

– Что за черт...

Впереди на дороге показался мужчина. Откуда он взялся, оставалось лишь гадать, наверное, вышел из леса, потому что машин поблизости не было, не говоря уж о жилье. Совершенно пустынная дорога... Мужчина на обочине с большим трудом сделал несколько шагов нам навстречу, как-то нелепо размахивая руками, а потом упал лицом вниз. Я невольно зажмурилась, представив, как он навернулся физиономией. Агатка притормозила, но останавливать машину не стала, просто объехала мужика. Он продолжал лежать без движения.

– Пьяный, что ли? – буркнула Агатка, двигая вперед малой скоростью, я разглядывала мужчину, высунувшись в окно.

– Откуда он тут взялся? – сказала я и еще раз посмотрела на карту.

– Может, дела у него в соседней деревне. Или сердечная подруга, – предположила Агатка.

– Между ближайшими населенными пунктами больше двадцати километров, – ответила я. – Здесь и правда глухомань.

– Бешеной собаке сто верст не крюк.

– Особенно если она выпьет лишнего, – согласно кивнула я и тут же добавила: – Скоро стемнеет, движение здесь не ахти, но кто-то может в темноте мужика не заметить, если он в сторонку не отползет.

– Должен же он очухаться.

– Смотри сколько выпил. Опять же неизвестно, куда поползет, если очухается, к обочине или на середину дороги.

– Ну, и чего ты предлагаешь? – разозлилась сестрица.

– Ничего, – отмахнулась я. – Просто мысли вслух о тяжелой мужской доле.

– Если он до ночи собрался тут лежать, то непременно замерзнет, – неожиданно заявила Агатка.

– Дураков и пьяниц господь бережет. Подберет кто-нибудь.

– Кто? – продолжала она злиться, вот только неясно, отчего свой гнев обратила на меня, в конце концов, я сижу рядом с ней, а не валяюсь на обочине. – Ты здесь хоть одну машину видишь? А если кто-то и появится, то предпочтут, как и мы, проехать мимо.

– Разделяю твою озабоченность отсутствием у граждан сознательности. Но скажи на милость, кому нужен этот алкаш?

– С чего ты вообще взяла, что он алкаш? – взъелась Агатка, останавливая машину.

– А кто? Чего нормальному человеку в лесу-то бродить? Грибы собирать в марте месяце?

– Вот именно, – кивнула Агатка, делая выводы противоположные моим.

Конечно, оставлять мужика на дороге опасно, но как поступить в такой ситуации? Куда его везти? До ближайшего населенного пункта и там вытолкать где-нибудь возле магазина? А он опять на дорогу ползет.

– Может, у него машина в кювет улетела, а мы не заметили? – с сомнением глядя на меня, спросила сестрица.

– Не было там никакой машины, я внимательно смотрела... А чего стоим? – проявила я интерес, Агатка сурово нахмурилась, а я вздохнула: – Давай либо вперед, либо назад.

Она лихо развернулась и втопила педаль газа. Я вторично вздохнула, но решение сестры скорее порадовало. Разумеется, мужик просто пьяница, как они попадают на дорогу в неуроч-

ное время, ведомо одному господину, однако этот все-таки меня тревожил. Хотя причину я назвать затруднялась и по-прежнему не знала, что мы с ним будем делать. То есть как Агатка переживает появление на заднем сиденье своей роскошной тачки дурно пахнущей маргинальной личности, которая, придя в себя, может доставить массу хлопот двум юным и сердобольным созданиям. Скорость Агатка развила нешуточную, лихо объезжая «ежей» и ямы, а я радовалась хотя бы тому, что не надо беспокоиться из-за внезапного появления какого-нибудь зоркого сокола, который с радостью слупит с нас немалые деньги за гонки по бездорожью.

Правильно говорят, не поминай черта, особенно к ночи. Менты сродни чертям, стоит о них подумать, как они тут как тут. Впереди, на том самом месте, где лежал предполагаемый алкаш, я увидела джип без каких-либо надписей на борту, а вот рядом с ним замер дядя в форме. Наш мужик лежал тут же, его мент и разглядывал. Судя по форме, это не дэпээсник, здесь, скорее всего, оказался случайно и, как и мы, озабочен судьбой мужика. Двигатель джипа работал, багажник открыт, что показалось немного странным. Он что, алкаша в багажник загрузить решил? Хотя почему бы и нет, чего в салон-то грязь тащить? В любом случае наш страдалец в надежных руках, и мы можем спокойно развернуться и продолжить свой путь.

Но Агатка рассудила иначе. Вместо того чтобы развернуться, остановилась у обочины и, не сказав мне ни слова, вышла из машины и направилась к парочке. Мент в погонах майора, выпрямившись, наблюдал за ее приближением без видимого удовольствия.

– Что случилось? – громко спросила Агата. Мужчина в форме не спешил отвечать, стоял и смотрел на нее. – Вы что, сбили человека? – не унималась сестрица. По части задеть за живое ей не было равных, вот и сейчас мужик нахмурился и сказал резко:

– Не болтайте глупостей.

– Глупостей? Человек лежит на дороге... если вы его не сбили, чего ему здесь лежать?

– Вот и я подумал «чего»? Потому и остановился.

– «Скорую» вызвали? – наклоняясь к мужику, что так и лежал лицом вниз, поинтересовалась Агатка.

– Да, – помедлив, ответил майор. – Но доберутся они сюда не скоро.

Агатка присела на корточки, деловито нащупала артерию на шее мужчины.

– Он жив.

– Конечно, жив, – кивнул майор. – Иначе в «Скорую» звонить не стоило.

Что-то в этом майоре было не так, то есть объяснить, что не так, я затруднялась, но чувство возникло неприятное. Я достала мобильный. Связи на одно деление. Поспешно набрала номер отца, один гудок, а потом связь прервалась. Может, у майора другой оператор? Или рация в машине?

– Как думаете, его сбита машина? – не унималась сестрица.

– Не знаю. Я не врач. А вы?

– Что – я? – не поняла Агата.

– Вы врач?

– Нет. Я – адвокат.

– Сейчас ему врач куда нужнее адвоката, – усмехнулся майор. – Так что не вижу необходимости в вашем здесь присутствии.

Если б я несколько минут назад не видела, как мужик выскочил на дорогу, непременно бы решила, что сбил его майор, а теперь спешит избавиться от нас, чтобы тихо смыться. Может, он его раньше сбил? Мысль совершенно нелепая: а вернулся тогда зачем? Я перевела взгляд на джип. Не похоже, что он побывал в аварии. Хотя грязи на нем столько, что наверняка не скажешь. Номер так заляпан, что разобрать его невозможно. По каким болотам носило нашего майора? Происходящее по неведомой причине нравилось мне все меньше и меньше.

Хотя майор выразился предельно ясно, Агатка не спешила убираться восвояси. И я догадывалась почему: ситуация ей, как и мне, не нравилась. И сейчас она пыталась решить, что

делать. Здравый смысл настойчиво советовал отчаливать. Но вряд ли Агатка особо к нему прислушивалась.

– Я вот думаю, может, не стоит ждать «Скорую», лучше отвезти парня в больницу? – произнес майор вроде бы с сомнением.

– А больница далеко?

– Почти тридцать километров. Но «Скорой» все равно оттуда добираться, так что, может, у меня быстрее получится?

Кстати, разумное предложение. Но восторга у меня почему-то не вызвало.

– Вдруг его трогать нельзя? – нахмурилась Агатка.

Майор пожал плечами. Не он сбил парня, по крайней мере, пятнадцать минут назад мента поблизости не было, а если он сделал это раньше, глупо сюда возвращаться. То есть майор вроде бы ни при чем... точно ни при чем. Тогда какого черта он мне так не нравится? Не он сам, конечно, а его поведение... Нормальное поведение. Ехал мент по дороге, увидел человека, лежащего на обочине, вышел посмотреть, тут нас нелегкая принесла. Если бы не мы, майор, вполне вероятно, отправился бы дальше, считая, что в воскресенье ему отдыхать положено, а не возиться с неподвижным мужиком, такого добра и в рабочие дни за глаза... Но при нас он уехать не может, все-таки страж закона и ему надлежит быть примером сознательности. Мы бы уехали, он бы уехал... хотя теперь не рискнет, даже если мы отчалим, вдруг решим завтра справиться о судьбе алкаша? И окажется майор в неприятном положении. Оттого сейчас и злится. «Может, он с рыбалки домой торопится, – продолжала я гадать. – Не зря тачка вся в грязи, лазил где-то по лесной дороге... В форме на рыбалку? Мой бывший муж, журналист, утверждает, что форма у ментов вроде второй кожи, они с ней так срастаются, что могут спать в фуражке, а не только на рыбалку ездить. Его послушать, так в фуражке они даже скорее засыпают и спят, точно младенцы».

Я направились к сестрице, изрядно утомившись ожиданием в машине.

– Наверное, стоит попытаться самим оказать ему помощь? – проговорила сестрица, которая, судя по всему, изводила себя теми же мыслями, что и я.

– Вы же сказали, его трогать нельзя, – съязвил майор, еще молодой мужчина с весьма суровой внешностью.

Майор не успел договорить, а Агатка уже потянула алкаша за плечо. Я увидела грязную, давно не бритую физиономию. Свежая ссадина над бровью, лицо опухшее, под глазом синяк. По виду бомж. Одежда соответствовала: разбитые кроссовки, спортивные штаны с дырой на коленке, старая засаленная куртка, давно потерявшая цвет. Мужчина оказался моложе, чем я ожидала, то есть, наверное, был совсем молодым, не больше двадцати пяти лет, хотя образ жизни наложил на него свой отпечаток.

Между тем он глухо застонал, а я вздохнула с облегчением: слава богу, жив. А потом недовольно покосилась на Агатку. Чего она, в самом деле? Какое нам дело до бомжа? Пусть мент голову ломает, что с ним делать. Просто бросить его он точно не рискнет.

Уверена, будь у нас возможность обсудить все это с сестрицей, она бы со мной согласилась. Но из упрямства продолжала сидеть возле бомжа.

– Принеси аптечку, – сказала она мне. – Там нашатырь должен быть.

– Да он просто пьян, – сказал мент, глядя куда-то в сторону. – Зря врачей беспокоим.

– Спиртным от него не пахнет, – нахмурилась Агатка, я вернулась к машине за аптечкой, а мент вновь съязвил:

– Откуда такое человеколюбие?

– Родители правильно воспитали, – серьезно ответила Агата.

И тут я увидела автобус. Наверняка на свет мы с ним появились в одно и то же время, а может, он чуть раньше, но ветеран бодренько катил навстречу, побряхтывая на подъеме,

черный дым валил из выхлопной трубы. На стекле табличка «Коровино», это поселок дальше по дороге, я видела его на карте.

Иногда человек действует, вроде бы не отдавая отчета в собственных поступках, импульсивно, не задумываясь. Со мной в тот момент было именно так. Я припустилась к Агаткиной машине, достала из бардачка записную книжку, в специальном кармашке которой был вставлен карандаш, и бросилась навстречу автобусу, размахивая руками, чтобы водитель точно меня не проглядел. Автобус остановился, водитель открыл дверь, предназначенную для пассажиров, и я вскочила в автобус, где, сонно ежась, сидели с десятков человек. Водитель смотрел на меня с некоторым недоумением. Я обратила внимание, что Агатка с ментом тоже смотрят на меня, Агатка с веселой усмешкой, майор сведя брови у переносицы, он вроде бы собрался идти к автобусу, по крайней мере сделал шаг, но вдруг передумал.

– Вы одна поедете? – спросил водитель.

– Я не поеду. У меня к вам просьба. – Я быстро записала номер телефона отца, вырвала страничку из блокнота и протянула мужчине вместе с тысячной купюрой. – Здесь связи нет. Позвоните родителям, вот номер, скажите, где мы... И еще, вызовите «Скорую» и полицию.

– А что случилось? – нахмурился мужчина.

– Когда мы с сестрой подъехали, майор был уже здесь. Говорит, нашел парня на дороге. Но я сомневаюсь. Сказал нам, что вызвал «Скорую», однако связи тут нет, в общем, мы останемся, пока парня не заберет «Скорая». Если честно, нам немного страшновато.

Водитель перевел взгляд на майора, а потом на купюру.

– Я позвоню. И денег не надо. Все сделаю. Может, не стоит вам... – он не договорил, но его мысль была предельно ясна.

– Попробуйте втолковать это моей сестрице, – усмехнулась я и пошла к двери. Пассажиры, сбросив остатки сна, с интересом поглядывали на дорогу.

Автобус тронулся с места, а я побрела к Агатке. Мент наблюдал за моим приближением с кривой ухмылкой.

– Он позвонит в «Скорую», – сказала я как можно спокойнее. – Поторопит их...

Парень у наших ног вдруг пошевелился.

– Я тебя просила аптечку принести, – недовольно напомнила сестрица.

В этот момент впереди между деревьями возник джип и начал выбираться на асфальт. Вероятно, где-то там была проселочная дорога, о наличии которой я не догадывалась. Ничего, кстати, удивительного, если на карте она не обозначена. Может, дороги и вовсе не было, а вот джип был. Разбрасывая в стороны ошметки земли, он выехал на дорогу. Окна в грязи, номер, само собой, не разберешь. Мне бы порадоваться появлению граждан, но радость где-то запропастилась. Я заметила, как напряглась Агатка. Может оттого, что мы вдруг разом подумали: и джип нашего майора, и тот, что теперь приближается к нам, носило по одному и тому же бездорожью.

Машина остановилась, и очам предстала парочка типов в темных куртках. Крупные и быстрые, очень похожие на защитников в американском футболе. Они поспешно направились к нам.

– Проблемы? – спросил один, у него был свежий порез на скуле, а ухо напоминало пельмень. Так я его мысленно и окрестила. Мент смерил его взглядом, выражая недовольство то ли их появлением, то ли вопросом.

– А с этим что? – спросил второй, указав в сторону лежавшего парня.

– Понятия не имею. Ждем «Скорую», – ответил майор, снял фуражку и поскреб затылок.

Ответ парочку вроде бы удивил, по крайней мере, оба смотрели с легким недоумением, переводя взгляд с майора на нас с Агаткой.

– Я не понял, в чем проблема? – хмыкнул Пельмень и с неясной целью сделал шаг к парню на дороге.

– Никаких проблем, – резко ответил мент.

– Да?

Троица таращилась друг на друга, а я вдруг решила: они знакомы, но почему-то не спешат в этом признаться. Взгляд майора и его интонация точно предостерегали от поспешных телодвижений.

– Девушки проявили сознательность, – заговорил майор с ухмылкой. Парни быстро переглянулись, а майор добавил: – Автобус остановили...

– Зачем?

– Хотят быть уверены, что этот бомж окажется в больнице.

Внезапно стало очень тихо. Я чувствовала напряжение, исходящее от всей троицы, не просто напряжение, угрозу. Агатка повернулась ко мне и сказала:

– Хватило ума отцу позвонить?

– Само собой, – кивнула я, радуясь, что в кои-то веки довелось угодить сестрице. – Думаю, он появится раньше здешних ментов, а может, и раньше «Скорой».

Я не успела договорить, Пельмень вдруг скользнул вперед и оказался за спиной Агатки.

– Отвали, – не поворачивая головы, сказала она.

– А батя-то у нас прокурор, – заявила я, чувствуя, как сердце застучало с бешеной скоростью. – Соседней области, но с местным наверняка знаком.

– Вот и двигали бы к бате, – скривился Пельмень, второй тип теперь стоял за моей спиной.

– «Скорая» приедет, тогда и двинем.

– А чего это вы родней вздумали козырять? – удивился мент и даже смог выжать из себя улыбку.

– А не нравитесь вы мне. Ни вы, ни здоровячки, что за спиной пасутся.

– Ну, я не денежка, чтобы всем нравиться, – хохотнул он. – А вы давайте-ка поезжайте себе с миром, – кивнул он мужикам. – Девчонок вот напугали, они черт-те чего навывдумывать могут.

Я замерла, стараясь ничем не выдать своего беспокойства, полминутная заминка, показавшаяся несуразно долгой, а потом оба типа потопали к своей машине. Тот, у кого с ушами был порядок, проходя мимо меня, потянулся в карман за телефоном, рукав куртки чуть приподнялся, и я увидела на запястье татуировку. В первое мгновение я решила, это что-то вроде лодки, потом сообразила – глаз, примерно так его изображают на долларовых банкнотах. Под ним надпись: «Он видит». Парни сели в джип, развернулись, машина стремительно набрала скорость и скрылась из вида за ближайшим поворотом.

– Завидую, – хмыкнул мент, провожая их глазами, с момента появления парочки он заметно к нам подобрел, а сейчас и вовсе старался выглядеть эдаким отцом родным. – Я бы тоже уехал.

– А что мешает? – спросила Агатка.

– Ну... могут не так понять...

Минут через двадцать послышался звук сирены, а вслед за этим появилась «Скорая».

Врач, женщина лет тридцати, склонилась над нашим бомжом, а мы отошли в сторону. Теперь нам ничто не мешало обратиться восвояси, но мы не спешили.

– Что скажете? – спросил мент.

– Без сознания. Крови нигде не видно, руки-ноги вроде целы. Надо везти в больницу.

Мент помог водителю загрузить парня на носилки, и машина через пять минут направилась в соседний городок. Майор поехал следом. Мы, само собой, за ним. Во-первых, нам было по пути, во-вторых, начатое дело следует доводить до конца.

На дорогу ушло минут двадцать пять, убедившись, что парня отправили в приемный покой, мы решили, что миссия наша выполнена, причем с лихвой. Майор, кстати, в больницу

не поехал, свернул чуть раньше. Мы успели заметить вывеску на двухэтажном здании, куда он направлялся, – отделение полиции.

Покинув районный городок, мы выехали на шоссе. Агатка все это время упорно молчала, я потеряла нос, повернулась к ней и спросила:

– И что это было, по-твоему?

– Хрен знает, – недовольно ответила она. – Парень в больнице, это главное.

– Ага, – кивнула я и вновь потеряла нос. – Мент мутный, – добавила с сомнением.

– Точно. У меня до сих пор поджилки трясутся.

– С чего это вдруг? – задала я вопрос исключительно с целью сравнить Агаткины впечатления со своими собственными.

– Сдается мне, – хмыкнула сестрица, – мы сегодня прибавили работы своим ангелам-хранителям. Хорошо, что ты сообразила автобус остановить.

– Ты считаешь, ребяташки могли создать вакансию в твоей адвокатской конторе?

– Сразу две. Не будь свидетелей, неизвестно, как бы эти типы себя повели.

Я согласно кивнула.

– Тебе не показалось, что мент и эти двое хорошо знакомы?

– Переглядывались весьма красноречиво. Наш майор поспешил донести до их сведения, что им лучше вести себя смирно. И они весьма неохотно убралась.

– Вот именно, неохотно. Он мент, а они неизвестно кто, но вели себя довольно нахально.

– Думаешь, они этого парня искали? – помолчав, задала вопрос Агата.

– Очень похоже. Вот только на фига им какой-то бомж?

Она пожала плечами, в этот момент зазвонил мой мобильный.

– Папа, – сказала я, взглянув на дисплей. И ответила.

– Ефимия, где вы находитесь? – в голосе отца явное беспокойство.

– Только что пересекли границу области.

– Мне позвонил какой-то мужчина, сказал, что по твоей просьбе. Изъяснялся довольно бестолково...

– Все в порядке, папа. Извини. Увидимся – все расскажу.

– Ждем вас с большим нетерпением. На дороге поаккуратней.

– Ну вот, теперь придется объясняться с предками, – вздохнула я, убирая телефон.

– Это лучше, чем скончаться в расцвете лет, – сказала Агатка вполне серьезно.

Напряжение понемногу ослабевало, я вновь попыталась уснуть, однако не преуспела. И порадовалась, когда мы наконец въехали в родной город.

– Чего отцу поведаем? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Что было, то и расскажем.

– С комментариями или без? Я имею в виду наши впечатления?

– Папа тяготеет к фактам, а факты сейчас выглядят так: две насмерть перепуганные дурочки навывдумывали целый детектив.

В общем-то, я была с ней согласна.

Дверь открыла мама, быстро окинула нас взглядом с головы до ног и вроде бы вздохнула с облегчением.

– Мойте руки, – кивнула в сторону ванной. – У меня ужин стынет.

Вскоре мы сидели за родительским столом. Мама считала, что обсуждать серьезные проблемы за ужином не стоит, это плохо сказывается на желудке. Оттого мы с объяснениями не спешили, решив, что это подождет. Папа не выдержал первым:

– Так что у вас стряслось?

Я взглянула на Агатку, предлагая ей выступить в роли нашего адвоката. Сестрица не подвела. Рассказ ее сводился к следующему. Мы увидели, как на дорогу выскочил мужчина и грохнулся на асфальт. Решив, что это пьяный или попросту бомж, мы поехали дальше, но тут

в нас взыграла гражданская совесть и мы вернулись. Далее все по пунктам, но без излишних эмоций.

– У нас создалось впечатление, что майор не хотел, чтобы мужчина оказался в больнице.

– С какой стати? – удивилась мама.

Агатка пожала плечами:

– Просто впечатление.

Ответ так я, мама непременно бы фыркнула, мои впечатления доверия у нее никогда не вызывали. Агатка совсем другое дело.

– Ну а когда эта парочка появилась, мы вообще здорово струхнули...

– Вы поступили правильно, – выслушав Агаткин рассказ до конца, сказал папа. – История действительно странная...

– Пустынная дорога, и все такое... – Агатка развела руками. – Скорее всего, мы просто перенервничали.

– И что за необходимость торчать на дороге в компании подозрительных типов? – вдруг разозлилась мама. – Вернулись, увидели полицейского и ехали бы себе домой. Я всегда считала, что у моей старшей дочери хватает благоразумия никуда не соваться. Это от младшенькой можно ждать чего угодно. Если ей никто по голове не шваркнет или хотя бы не попытается, она просто места себе не находит.

– Августа, – возмутился папа.

– Что, Августа? – мама грохнула ложкой по столу. – Сумасшедший дом. На кой черт, скажите, вам этот бродяга? Пойду пить капли... Агата, сестра дурно на тебя влияет.

Мама удалилась, а папа вздохнул, сочувственно глядя на нас.

– Папа, – полезла я. – Ты не мог бы... – Я очень хорошо знала, что отец не любит пользоваться своим служебным положением, но решила, что случай сейчас особенный.

– Завтра свяжусь с коллегами, – неожиданно легко согласился он. – В чужой монастырь соваться не принято, однако любой запрет когда-нибудь непременно нарушишь. Документов при нем не было?

– Майор сказал, нет.

– А на маму не обижайтесь, она себе места не находила после этого звонка...

Мама вскоре вернулась, и я поспешила рассказать о свадьбе, особо подчеркнув, каким успехом пользовалась Агата у молодых и совершенно свободных мужчин. Надо заметить, мамуля неоднократно пыталась пристроить мою сестрицу, и тема ее увлекла. Вечер прошел вполне мирно. Я думала, Агатка при первой возможности поспешит смыться, но тихие семейные радости ее в этот раз совсем не доставали. Засиделись допоздна. Я перебралась на диван, поближе к папе, и покидать родительское гнездо тоже не спешила.

– Уже поздно, – заметила мама. – Оставайтесь ночевать.

И мы остались.

Среди ночи я отправилась в туалет. Бывшая комната Агатки, которая, кстати, за ней так и осталась, как, впрочем, и моя за мной, была как раз напротив. Подумав, я осторожно приоткрыла дверь, взглядываясь в темноту и не решаясь войти.

– Не таись, – сказала сестрица, раздался щелчок, вспыхнула настольная лампа, и я увидела, как сестра хмурится от света. Прошла и села на ее постель.

– Не спишься?

– Вроде того. Из головы не выходит этот парень на дороге.

– Сочувствую. Со мной та же история. Может, махнем завтра в этот городишко, узнаем, что к чему?

– Мамуля-то права, – хмыкнула Агатка. – Тянет тебя на приключения. И на меня ты дурно влияешь, потому что, похоже, меня тоже тянет.

Утром мы отправились по домам, чтобы переодеться, а заодно настроиться на рабочий день. Я-то рассчитывала, что мы отправимся в уездный городок, выяснить, как чувствует себя наш бомж, но Агатка поднялась не с той ноги и язвительно напомнила, что выходные закончились и не худо бы о работе подумать. Иногда она так похожа на нашу маму, что это всерьез тревожит. В общем, Агатка высадила меня у подъезда моего дома, буркнув:

– Не вздумай опаздывать. – И отчалила.

В моем коммунальном раю царила тишина. Жила я по-прежнему одна, соседи упорно здесь не появлялись и квартирантов не пускали, хотя я не раз намекала, что в компании мне веселей, а деньги у них не лишние. Когда-то их бескорыстие спонсировал Славка, мой бывший возлюбленный, но мы уже давно разошлись, и оставалось лишь гадать о причинах охлаждения соседней к их собственности. Хотя, если верить Дуське, Славик заплатил им за год вперед... Я принялась от безделья высчитывать месяцы. Оказывается, пребывать в одиночестве мне предстоит еще долго. Переодевшись, я сварила кофе и устроилась на подоконнике. Мысли скакали, точно блохи, от моей незавидной женской доли к бомжу на дороге и проторенной тропой возвращались к Стасу. Дикая помесь любопытства и душевных мытарств. Любопытство, то есть бомж, в то утро все же перевешивало, и я решила, что это хорошо.

Кофе я выпила, зачем-то прошлась по квартире, заглядывая во все комнаты, а потом устроилась на диване. И незаметно как уснула, а открыв глаза, поняла, что опаздываю на работу как минимум минут на сорок. Странно, что сестрица до сих пор помалкивает. Тут я додумалась взглянуть на мобильный и увидела, что он полностью разряжен. Домашний телефон отключили еще в пятницу, потому что я забыла вовремя оплатить квитанцию, и подключат его только завтра.

Такое начало дня ничего хорошего не сулило. Я рысью устремилась к входной двери, гадая по дороге, заведется моя машина или нет. С машиной был порядок, что немного воодушевило. На всех парах я летела к родной конторе, придумывая отмазку для сестрицы. Но она даже не понадобилась. Стоило мне войти в комнату, которую я делила с двумя помощницами Агатки, как стало ясно: в королевстве случилось страшное. Девчонки напоминали воробьев в трескучий мороз, дверь в кабинет Агатки была закрыта, оттуда доносился ее голос, и высказывалась она весьма нелюбезно. Отучить ее от крепких выражений не под силу даже маме, хотя при родителях она обычно сдерживается. Но их рядом не было, и сестрица дала себе волю. Секретарь Агаты, Вера, носилась из кабинета в приемную с заполошным видом и на мой вопрос досадливо махнула рукой.

– Чего шумим? – обратилась я к девчонкам.

– Не знаю, – испуганно ответила Ирина. – Агате кто-то позвонил, и начался дурдом. Тебе повезло, сестра не заметила, что ты опять на работу опоздала.

– Задержалась, – поправила я и пошла к Агатке.

Разговор по телефону она как раз закончила и отбросила мобильный в сторону. Он пролетел по гладкой столешнице и свалился на пол. Я его подобрала, положила на краешек стола и оставила на Агату.

– Недружественные нам гуманоиды высадились в городе? – спросила я, дав ей возможность отдышаться.

– Гуманоиды – фигня. Тимоха сбежал, вот гаденыш... – Агатка в досаде покачала головой и вновь схватила мобильный. А я вздохнула. Тимоха, как его называла Агатка, по паспорту Тимофей Александрович Бубнов, оболтус девятнадцати лет, был типичным сыном богатых родителей, которые ему во всем потакали. Парень болтался по ночным клубам, злоупотреблял всем, чем только можно, то и дело ищущая судьбу. До недавнего времени она к нему благоволила, однако в конце концов утомилась, и он нарвался. Кто на кого в действительности нарвался, должен был выяснить суд, мы, то есть в основном, конечно, Агатка, стремились доказать, что Тимоха в общем-то не так плох, в смысле, не хуже других, и драку затеял

молодой человек по фамилии Коростылев, а Тимохе пришлось отбиваться. Коростылев пятью годами старше и тоже оболтус, Тимоха не только моложе, но и комплекцией помельче, оттого и схватился за бутылку, которой Коростылева огрел. Весьма неудачно для последнего. Картину сильно портил тот факт, что и раньше Тимоха дрался не раз и не два, тяготел к бутылкам и стульям, чему имелись свидетельства в виде полицейских протоколов. Но Агатка надеялась, он отделается условным сроком. На мой вопрос, отчего бы не предоставить парня его судьбе, раз уж его так тянет в места не столь отдаленные, она ответила, что тюрьма еще никого не делала лучше, и я, конечно, с ней согласилась. И вот теперь такой подарок.

– А что за надобность в бега срываться? – спросила я, когда Агатка вторично отложила мобильный, на сей раз он остался на столе.

– Ночью Коростылев скончался в больнице.

– Упс, – только и смогла произнести я.

– Не упс, а триндец, причем полный. Идиот...

– Что будем делать?

– Поеду к родителям оболтуса.

– Думаешь, они в курсе? – засомневалась я.

– Само собой. Кто-то предупредил их еще ночью, и этот гаденыш двигает теперь к украинской границе.

– Могу поехать с тобой, – предложила я.

– Без надобности. – Агатка схватила сумку, сунула в нее мобильный и направилась к двери. Я поплелась за ней.

В свете последних событий заговаривать о нашем бомже даже не стоило. Агатка уехала, а я, устроившись за своим столом, обложила бумагами.

Вернулась сестрица ближе к обеду. Мы, само собой, сидели тихими мышками с невысказанным вопросом на устах. Агатка окинула нас взглядом и сказала, вроде бы просто подумав вслух:

– Ему же хуже.

Из чего я заключила, что переговоры с родителями оболтуса успехом не увенчались. Сестрица закрылась в кабинете, и никто из нас не рискнул ее побеспокоить. Хотя меня так и подмывало сорваться в районный городок. Однако сматываться с работы в такое время без высочайшего согласия не стоило, а лезть с нашим бомжом к Агатке тем более. Сестрица сама о нем вспомнила в обеденный перерыв. Я-то думала, неприятности мы будем переживать на голодный желудок. Вера, в голову которой явилась та же мысль, заказала пиццу, и тут из кабинета выплыла Агатка и спросила сердито:

– Чего сидим, как на похоронах? – Затем перевела взгляд на меня и добавила: – Идем обедать.

И мы отправились в ближайшее кафе, к радости девчонок, которые смогли перевести дух. По дороге Агатка и заговорила на весьма интересующую меня тему:

– Отец звонил. Бомж скончался ночью, не приходя в сознание. – Признаться, новость не особенно удивила, но в душе зрело беспокойство. – Если верить врачам, а кто им не поверит, – продолжила Агатка, – причина смерти вовсе не ДТП.

– Тогда отчего скончался?

– Сердечный приступ.

– Он же совсем молодой, – удивилась я.

– У бомжей жизнь тяжелая, – хмыкнула Агатка. – Если батя сказал «сердечный приступ», значит, так и есть.

– Я что, спорю?

– Установить личность покойного не удалось. Документов при нем не было, и пока парнем никто не интересовался.

– И что он делал вдали от цивилизации, тоже никого не заинтересовало?

– Кому это надо? – поморщилась Агатка. – Человек умер от сердечного приступа. Найдется родня, похоронят по-христиански, нет, значит, закопают через положенное время...

– И дело с концом, – поддакнула я.

– Какое еще дело? – возмутилась сестрица, в этот момент мы вошли в кафе, и разговор на время пришлось прервать.

Пока ждали заказ, Агатка таращилась в окно и сурово хмурилась, я-то была уверена, занимает ее исключительно беглый Тимоха, но сестрица вдруг взглянула на меня и произнесла:

– Похоже, скончался он очень кстати...

– Ты майора имеешь в виду?

– И майора, и ту парочку. Может, у меня опять приступ паранойи, но впечатление такое, что он был им очень нужен. Живой или мертвый...

– Мертвый предпочтительней?

– Вот уж не знаю.

Нам принесли заказ, Агата вяло жевала, а мне даже изображать интерес к еде не хотелось.

– Слушай, может, я завтра с утра сгоняю в этот городишко? Вдруг повезет и узнаю что путное?

– Он скончался от сердечного приступа, – напомнила Агата.

– Может, так, а может, и нет. Хотелось бы все-таки убедиться...

– Кто бы сомневался, – фыркнула сестрица. – Мамуля-то права, тебя хлебом не корми, только дай влезть в дерьмо.

– Дерьмо, я чувствую, там присутствует.

Я думала, Агатка продолжит язвить, но она согласно кивнула.

– Разберемся со своим и полезем в чужое.

– Тебе необязательно.

– Думаешь, я забыла, как у меня от страха кишки сводило там, на дороге?

– Такое не забудешь.

– Вот именно.

– Так я съезжу? – заискивающе спросила я.

– Соваться туда в одиночку даже не мечтай. Разберемся с Тимохой и нагреем в тамошние края.

Я вздохнула, не рискнув возражать. Сразу после обеда сестрица вновь отлучилась, и мы совершали трудовой подвиг уже без нее. В конторе в тот день она больше не появилась. В половине седьмого девчонки отправились домой, а я позвонила Агатке:

– Есть новости?

– Хороших нет, – буркнула она и отключилась.

Сдав офис на охрану, я побрела к своей машине. Мысль провести вечер в одиночестве удачной не показалась. Можно было завернуть к кому-нибудь из подруг или, на худой конец, в кино сходить. Однако и эта идея энтузиазма не вызвала. Отчего бы не махнуть в уездный городишко под названием Ремизов? Сестрица будет сильно гневаться, если узнает, что я ее ослушалась, но докладывать ей о своих передвижениях необязательно. Отправлюсь прямо сейчас, переночую в гостинице и в восемь утра начну наводить справки, народ в глухомани встает рано. Дорога пустынная, и доберусь я за час, на все уйдет часа три, не больше, значит, к одиннадцати я уже появлюсь на работе. Совру, что зубы прихватило или просто проспала. Рассчитывать на то, что Агатка мне поверит, можно лишь в припадке святой наивности, но ежели к тому моменту я раскопаю что-то путное, это уже не будет иметь значения, а если не раскопаю – тем более.

В общем, не особенно раздумывая, я завела машину и направилась в Ремизов, очень надеясь, что из этой поездки выйдет толк. Что за толк я имела в виду, объяснить не так про-

сто. Папа определенно сказал, что труп не криминальный. Человек, которому он звонил, вне всякого сомнения, прежде чем дать ответ, навел справки. Вот только никакой уверенности, что ему доложили все как есть. Хотя высокому начальству врать опасно, а отец мог обратиться лишь к человеку высокого ранга. Вроде все ясно, и о бомже можно забыть, но не получалось. Напротив, смутные подозрения, что дело нечисто, лишь увеличивались, хотя внятного объяснения я этому не находила. Дорога, как известно, располагает к размышлениям, и я вдруг подумала: может, я просто дурака валяю? Готова заняться чем угодно, лишь бы избавить себя от бесконечных мыслей о своей несчастной любви? Ладно, у меня бегство трусцой в никуда, а у Агатки? Сестрица не из робкого десятка, и если клацала зубами на дороге, по собственному признанию, значит, тому была причина.

Впереди возник указатель «Ремизов», а вслед за этим появились первые дома. Я включила навигатор и направилась в центр. С моей точки зрения, гостиница, хотя бы одна, должна находиться именно там. Дороги в этом богом забытом городишке даже у человека, привычного к экстремальной езде, вызывали скрежет зубовой. Я мысленно простилась с подвеской и помянула отцов города недобрый словом, правда, их хоть поминай, хоть нет, дороги лучше не станут.

Поглядывая по сторонам в поисках гостиницы, я попыталась объехать очередную яму, и тут прямо перед капотом возник какой-то псих в ярко-желтой куртке. Я крутанула руль и колесом угодила в соседнюю яму, до краев заполненную талой водой, и с ног до головы окатила психа. Он поспешно отпрыгнул назад, но напрягался понапрасну, куртку это не спасло. Впрочем, не только куртку, но и брюки, брызги были даже на его физиономии. Не успев прийти в себя от испуга, я открыла окно и проорала:

- Если ты на кладбище спешишь, мог бы выбрать другую машину.
- Повезло, – съязвил он. – Блондинка за рулем.
- Переход вон там, – ткнула я пальцем.
- А автобус напротив, – не остался он в долгу. – Все, отчалил. Теперь ждать замучаешься.

И в самом деле, автобус на противоположной стороне площади не спеша отъехал от остановки, а парень побрел к переходу, пытаясь отчистить куртку рукой в перчатке, только размазывая грязь.

Во мне заговорила совесть, конечно, он сам виноват, и все же... Я малой скоростью двигала за ним, замерла на светофоре, он шагнул с тротуара, а я спросила:

- На свидание опаздываешь?
- Домой, – буркнул парень.
- Ну, так садись, отвезу.

Он взглянул с недоверием, а я предупредительно распахнула дверь. Он плюхнулся рядом, широко улыбнулся и сказал:

- Привет.

На вид ему было лет двадцать пять, светлые волосы выбивались из-под спортивной шапки, брови темные, глаза карие и губы пухлые, девчонки обзавидуются. В целом выглядел неплохо. Меня он тоже рассматривал и, судя по всему, остался доволен.

- Говори, куда ехать, – сказала я.
- Для начала надо развернуться.

Пока я искала разворот, он продолжал улыбаться. Как видно, испачканная куртка его больше не печалила.

- Приезжая? – спросил весело.
- На номера внимание обратил?
- В нашем городе нет таких красивых девушек.
- Может, у тебя со зрением проблемы? В бардачке салфетки...

Салфетки он достал, откинул козырек и, разглядывая себя в зеркало, не спеша вытер лицо.

– Меня Юра зовут, – заявил он и протянул руку. Я торопливо ее пожала и незамедлительно угодила в очередную яму.

– Да что же у вас за дороги такие?

– А у вас лучше?

– Не намного.

– Я далеко живу, – порадовал он. – Это я к тому, что не худо бы познакомиться. Тебя как зовут? Или это страшная тайна?

– Нет никакой тайны. Зови Фенькой.

– Как? – удивился он.

– Ефимией Константиновной, если тебе так больше нравится.

– Фенька? Это которая керосин пила и гвозди ела?

– Похвальное знание отечественной литературы.

– Слушай, а может, мы где-нибудь посидим, выпьем кофе?

– Ты ж домой спешил? – удивилась я. – К жене и детям?

– Не-а, к маме и папе. Но к ним можно и завтра заглянуть. Так как насчет кофе? Я угощаю.

– Идет. Но плачу я, компенсация за твою грязную куртку.

– Тогда сворачивай, здесь рядышком кафе, девушку вроде тебя пригласить туда не стыдно.

Через десять минут мы сидели в кафе, а еще через полчаса я уже жалела, что согласилась сюда отправиться. Юрка оказался ужас каким разговорчивым, и ладно бы просто болтал, он без конца лез с расспросами. Я было хотела с ним проститься, но в конце концов передумала. Чем себя занять в гостиничном номере? Телевизор смотреть? С таким же успехом можно Юрку слушать.

– По делам к нам пожаловала? – веселился он, уминая пирожные.

– Ага. Что-то вроде командировки. Кстати, приличная гостиница в городе есть?

– Есть-есть, не в деревне живем. Провожу и помогу устроиться, у меня там тетка администратором.

– Сам-то где трудишься?

– В больнице.

– Санитаром? – усмехнулась я.

– Врачом. Зубным, – добавил он с легкой заминкой, чем очень меня расстроил. Я-то решила, что больница здесь, скорее всего, одна, и собралась спросить, не знает ли он чего о моем бомже.

– А почему на автобусе? – в отместку спросила я. – Своей машиной не обзавелся?

– Пока нет.

– Недавно работаешь? Профессия у тебя должна быть доходной.

– Я же в государственной поликлинике, а не в частной лавочке.

– Кто-то должен безвозмездно зубы дергать, – кивнула я.

– Вот именно, безвозмездно, – хихикнул он. – С моей зарплатой впору всю жизнь пешком ходить. А ты где работаешь?

– В адвокатской конторе, – не стала я врать.

– А здесь...

– Зачем я здесь, тебе знать необязательно.

– Понял, – произнес он. – Этика и все такое...

В кафе мы просидели около часа, потом Юрка сопроводил меня в гостиницу. Устроилась я без проблем, свободных номеров пруд пруди, то ли оттого, что цены производили впечатление, то ли просто потому, что желающих оказаться в этом городе было немного.

Машину я оставила на парковке, неумолимый Юрка вызвался показать мне город. Я заподозрила, что смотреть тут нечего, и все-таки согласилась. Обижать парня не хотелось. Он, конечно, болтун, зато веселый и добродушный. Простились ближе к полуночи. Я предложила отвезти его домой, но оказалось, что живет он неподалеку, в квартире, которая раньше принадлежала его бабушке. Само собой, мы обменялись номерами мобильных, звонить ему я не собиралась и искренне надеялась, что ему это тоже в голову не придет.

Оказавшись в номере, я приняла душ, сетуя на то, что не захватила зубную щетку, и расположилась на постели, такой широкой, что при желании здесь смогли бы устроиться человек пять. «Ни о чем не думать», – приказала я себе и глаза закрыла. За окном темно и тихо, на душе сумрачно и беспокойно. Однако довольно скоро я уснула.

Будильник я завела на семь, но проснулась даже раньше. Вновь пожалела о зубной щетке, точнее, о ее отсутствии, и поплелась завтракать. В ресторане я оказалась в одиночестве, а накормили меня от пуза, что временно примирило меня с действительностью. Погода в то утро выдалась скверная, то ли дождь, то ли снег... ветер продувал насквозь, и пока я шла к машине, успела продрогнуть. Часы показывали ровно восемь, и я заторопилась в больницу.

Поначалу все шло гладко. Я без труда выяснила, куда поступил наш бомж, и смогла поговорить с заведующей отделением. Молодая женщина с длинными волосами, заплетенными в косу, и мягкой улыбкой встретила меня довольно приветливо.

– Вы родственница? – спросила она.

– Нет. Мы с сестрой проезжали мимо, когда мужчину обнаружили на дороге. Я просто хотела узнать, как его дела.

– К сожалению, должна вас огорчить. Молодой человек умер.

– ДТП?

– Нет. Сердечный приступ. Мы ничего не могли сделать. Организм крайне истощен. На теле многочисленные синяки и ссадины.

– Его кто-то избил?

– Не в тот день, когда его привезли, а значительно раньше. На теле следы побоев, жестоких побоев... У него были сломаны ребра, перелом ключицы, не обошлось без повреждений внутренних органов... В больницу он вряд ли обращался.

– И все это привело к смерти?

– Я уже сказала, умер он от сердечного приступа. На все вопросы ответит патологоанатом, в том числе когда мужчина получил травмы.

– То есть ДТП в воскресенье вечером можно исключить? – нахмурилась я.

– Судя по характеру травм, его неоднократно избивали. Ко всему прочему, у него обморожены конечности, в общем, картина довольно ясная: молодой человек без определенного места жительства, в их среде побои не редкость. Вчера приходили из полиции, пытаются установить его личность... Но, по опыту знаю, это не всегда возможно. К сожалению. Поверьте, мы сделали все, что могли. Сюда доставили уже практически труп. Я, признаться, удивлена, что он смог протянуть несколько часов, видимо, дело в возрасте, организм молодой...

– И вдруг сердечный приступ... – пробормотала я.

– Люди, ведущие подобный образ жизни, не заботятся о своем здоровье, – пожалала она плечами. – По статистике, бомжи живут в среднем семь лет. Кто-то умирает раньше, кто-то чуть позже... драки и убийства в их среде тоже не редкость. Этому повезло, нашлись люди, решившие помочь, и доставили его в больницу. А мог умереть в лесу. Впрочем, точно так же, как и в городе. – Она вздохнула и выразительно посмотрела на меня. Стало ясно: я отнимаю у человека время.

– Вскрытие уже было?

Врач пожала плечами:

– Если у патологоанатома нет срочной работы...

– Где я могу его найти?

– Патологоанатома? – вроде бы удивилась женщина. – Морг во дворе, одноэтажное здание.

Я поспешно простилась и вскоре уже направлялась к одноэтажному приземистому строению из белого кирпича с решетками на окнах. Разговор с врачом вызвал двойственное чувство. С одной стороны, вроде бы все ясно: бомж, он и есть бомж, отмороженные ноги и синяки вовсе не удивляют. С другой стороны, диагноз «сердечный приступ» настораживал. Парень ведь совсем молодой. Сломанные ребра и ключица... А если все-таки ДТП? Но кто-то стремится его скрыть. Кто? Мент? Майора рядом не было, когда мы увидели бомжа. Допустим, сбил его кто-то другой, а майор явился заметить следы. Но врач определенно сказала, что травмы получены раньше. Трудно заподозрить ее во лжи. И все же что-то тут не так...

Я замерла перед металлической дверью и не сразу сообразила, что на двери отсутствует ручка. Зато слева на стене дверной звонок. Я нажала кнопку и стала ждать. Послышались шаги, дверь распахнулась, и я увидела мужчину лет шестидесяти, на нем был халат, мятый и грязный, так что назвать его белым языком не поворачивался. Голова у мужика абсолютно лысая, кустистые брови и глаза с дурнинкой. То ли пьян, то ли малость не в себе.

– Ну?

– Мне бы патологоанатома, – пискнула я, невесть чего испугавшись.

– Зачем тебе патологоанатом? – все согласные он безбожно переврал, получилось очень смешно, однако смеяться я себе отсоветовала. – Ладно, заходи, – милостиво кивнул он.

Я вошла и первым делом наткнулась взглядом на катафалк, под белой простыней лежал труп, видна была лишь макушка, заросшая темными волосами, но я все равно поежилась. Мужик довольно гукнул, наблюдая за мной. А я мысленно чертыхнулась.

– Там, – ткнул он пальцем в глубь коридора, и я пошла, глядя себе под ноги и очень боясь увидеть что-нибудь лишнее.

Дверь в кабинет была открыта, я подняла глаза и вздохнула с облегчением. Обычная комната, белый кафель, белый стол, стеллажи с документами.

– Ираида Максимовна, это к вам, – произнес дядька, вновь все переврал, а я сказала:

– Здравствуйте.

За столом сидела женщина неопределенного возраста, седые волосы коротко подстрижены, маска из марли держалась на одном ухе, которое казалось несуразно большим, возможно, из-за ее прически. Тетка напоминала завсегдатая тифозного барака. Сходство добавляла ее крайняя худоба и бледность. А вот взгляд не сулил ничего хорошего. Гражданочки с таким взглядом командуют матросней, нацепив красный бант на грудь, и зовут народ на баррикады. А если революция не подспела, просто портят жизнь ближним в меру сил. Лицо узкое, все из острых углов, могло принадлежать мужчине. Ни намек на косметику. Скорее всего, она из тех, кто считает использование губной помады первородным грехом. В довершение картины тетка мяла в руке сигарету без фильтра.

– Слушаю, – сказала резко, и я поняла, что везенье мое на этом закончилось. Примерно так и вышло.

Выслушав мой короткий рассказ, Ираида закурила, помахала рукой, разгоняя дым, и спросила:

– Я не поняла, чего вы от меня хотите?

– Причину смерти, – начала я, но она перебила:

– Сердечный приступ...

– Врач рассказала о многочисленных травмах...

– Смерть наступила в результате сердечного приступа, – перебила тетка. – И мне непонятно, с какой стати вы беспардонно пользуетесь моим временем. Если я ничего не путаю, вы ему не родственница и даже не знакомая. Все, на что я считала нужным указать, есть в заключении.

– Можно взглянуть на него?

– На заключение? – сурово нахмурилась женщина. – Да с какой стати? Вы, случайно, не из газеты? А то тут ходят некоторые в поисках дутых сенсаций...

– Я не из газеты, я из адвокатской конторы, о чем уже успела вам сообщить, – разозлилась я. – И меня очень интересует причина, по которой погиб этот человек.

Тут я почувствовала некое движение за своей спиной, оглянулась и увидела мужчину, который, войдя в кабинет, в нерешительности замер на пороге. И едва не брякнула «привет», потому что узнала Юрку, он меня, конечно, тоже узнал и, судя по всему, как и я, здорово удивился. Но, слава богу, у него хватило ума словесно этого не выразить. На вошедшего тетка внимания не обратила, занятая вправлением мне мозгов, Юрку попросту игнорировала.

С удивлением он быстро справился, а кабинет покинул. Тетка предложила мне сделать то же самое. Спорить с ней бессмысленно, лысый, с интересом наблюдавший за нашей перепалкой, оживился, когда тетка бросила ему начальственно:

– Проводи.

Мне ничего не оставалось, как направиться к выходу. Не успела я малость успокоиться, оказавшись на свежем воздухе, как зазвонил мобильный. Звонил Юра. Так как я сама собиралась ему звонить, его догадливость пришлась очень кстати.

– Так вот что у тебя за командировка, – весело произнес он.

– А ты чего в морге делаешь, тебе же зубы рвать положено, – усмехнулась я.

– Не говорить же девушке при первой встрече, что я покойников кромсаю. Многих, знаешь ли, это пугает.

– Только не меня. Вчера к вам поступил...

– Да слышал я ваш разговор, – заявил Юрка.

– Отлично, значит, повторяться не надо. Как насчет добрых дел?

– Со всем моим удовольствием. Короче, так. Мегера наша после двух уйдет, тогда и поговорим. А сейчас, извини, не могу, мне с ней работать, а испортить жизнь человеку она может очень легко. Я тебе позвоню.

Юра отключился, а я заспешила к машине, прикидывая, что теперь делать. Вскоре стало ясно: звонить Агатке. Ей вряд ли понравится, что я наплевала на ее запрет, но опоздание на два часа еще можно худо-бедно объяснить, а вот на весь рабочий день затруднительно. По-любому придется сдаваться. Ждать до двух часов не хотелось, тем более нет уверенности, что будет толк от разговора с Юрой. Вполне возможно, ничего особенного он не сообщит, и выйдет, что я напрасно сестрицу растревожу. Сообщит или нет, а поговорить необходимо. Если Юрка подтвердит слова злющей тетки, смело ставим на этой истории крест. Бомж умер своей смертью, а ребра ему переломали недоброжелатели, которых, при его образе жизни, пруд пруди.

Отъехав от больницы на значительное расстояние, я приткнула машину в каком-то переулке и отправилась бродить по городу. Со вчерашнего вечера интересней он не стал, но чем-то занять себя надо. Решив, что достаточно подготовлена к нагоняю, я набрала номер Агатки.

– Ну и где ты? – задала она вопрос, не дожидаясь слов приветствия, которые я так тщательно готовила.

– Я...

– Берусь отгадать с первого раза: неприметный городок в российской глубинке?

– Ничего себе, – восхитилась я. – Да ты просто экстрасенс. Мы могли бы зарабатывать неплохие деньги.

– С тобой только язву заработаешь. Ну почему бы для разнообразия сестру не послушать?

– Ты сама говоришь, в конторе от меня немного пользы, а узнать, в чем тут дело, очень хотелось.

– Узнала?

– Пока ничего особо ценного. Парень умер от сердечного приступа.

– А ты думала, бате будут лапшу на уши вешать?

– Не бате, а человеку, которому он звонил. Я здесь успела завести интересное знакомство.

После двух его продолжу. Может, и всплывет чего...

– Большая просьба: не старайся сделать так, чтобы о твоём интересе знал весь город, включая детей и собак.

– Само собой.

– Само собой, – передразнила Агатка, и мы простились, я с заметным облегчением.

Теперь по улице я припустилась резво, и город мне даже начал понемногу нравиться.

Ближе к двум я забрела в кафе выпить чаю, тут и позвонил Юрка.

– Путь свободен, жду в гости.

– Это в морге, что ли? – фыркнула я.

– Извини, но ничего другого предложить не могу, должен быть на рабочем месте.

– Сейчас подъеду, – сказала я. И поспешила к машине.

Очень скоро я уже стояла перед знакомой дверью и давила на кнопку звонка. Вновь ожидала увидеть лысого, но дверь мне открыл Юра.

– Прошу.

– Ты один? – шепотом спросила я.

– Один. Пришлось придумать срочное поручение для нашего санитара, не то непременно мегере донесет. Морг у нас в городе один, и если я лишусь работы, придется готовиться к переезду. А у меня мама с папой в весьма преклонном возрасте, в общем, переезд я не планирую.

– Понятно.

Мы прошли в кабинет, точную копию того, где мне уже довелось побывать. Юрка включил чайник, достал банку с растворимым кофе и спросил:

– Чем тебе этот бомж так интересен?

Я объяснила, как могла, не видя необходимости что-то скрывать.

– Так отчего он умер? – в свою очередь задала я вопрос.

– Сердечный приступ, – пожал плечами Юрка, ставя передо мной кружку с кофе и устраиваясь за столом напротив.

«Ну, вот, – с тоской подумала я. – Стоило здесь столько времени болтаться».

– Сердце у него было ни к черту, несмотря на возраст, – продолжил Юрка. – Но... – он назидательно поднял палец и сделал выразительную паузу. – Кое-что наводит на размышления.

– Ты бы не тянул, вдруг мегере нелегкая принесет.

– Вскрытие проводили вчера, ближе к вечеру, а через пару часов после этого у нас появился местный шериф, хотя не его это дело – по моргам болтаться. Они с мегерой малость пошептались, и она села писать отчет о проделанной работе. У парня ребра переломаны и ключица, синяков и ссадин целый букет, но в отчете об этом сказано очень коротко. «Следы застарелых побоев».

– Вот как, – нахмурилась я.

– Вот так, – радостно кивнул Юрка, словно находя в этом что-то забавное. – Но это еще не все. Покойников боишься?

– А чего их бояться? Они не кусаются.

– Тогда пошли. – Он легко поднялся, а я запаниковала.

– Куда?

– В предбанник. Это мы так нашу каморку зовем. Отопления в ней нет, и жмурики день-два лежат себе, никого не беспокоя. У нас, знаешь ли, все по старинке. – Он уже несся по коридору, и я за ним.

Мы оказались в небольшой комнате без окон, вдоль стен что-то вроде полок, на которых лежали три тела, прикрытые простынями. Я почувствовала настоятельную потребность оказаться на улице, однако поспешила взять себя в руки. Юрка между тем подошел к полке и мне кивнул, предлагая приблизиться, стянул простыню. Я зажмурилась, сосчитала до тридцати, а потом открыла глаза. Труп выглядел лучше, чем я ожидала, по крайней мере, на ногах удалось устоять. Я торопливо отвела взгляд от жуткого вида шрама, начинавшегося от горла и заканчивавшегося в паху, и сосредоточилась на лице бомжа. Но не оно, как выяснилось, заинтересовало Юрку.

– Взгляни на его руки. – Он ухватился за кисть покойника и продемонстрировал мне. Весьма характерная отметина, точно след от веревки. – То же самое на другой руке. И на ногах.

– То есть парня держали со связанными конечностями? – спросила я.

– Это не веревка. Скорее наручники. Или кандалы.

– О господи. Кандалы-то откуда?

– Вот уж не знаю. От веревки другой след, можешь мне поверить. Этот от железа.

– Чудеса. – Я достала мобильный и сделала несколько фотографий, Юрка не возражал. – Пошли отсюда, – попросила я, закончив.

Мы вернулись в кабинет, где нас ждал успевший остыть кофе.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросила я.

– Это ты думай, – хохотнул он.

– С какой стати вашему шерифу о каком-то бомже беспокоиться?

– Ну, допустим, не хотел лишней работы, вот и попросил мегеру не особенно усердствовать.

– А что, если парень побывал в каталажке, где и получил многочисленные переломы? Ему удалось сбежать, а менты не хотят выносить сор из избы, вот и шифруются. Документов при парне нет...

– Ага. Держать труп негде, и если через день-два его никто не хватится, закопают тихомирно, и привет. Но... – Юрка вновь поднял палец, призывая внимать и шевелить мозгами. – Парень не из местных, не то уже хватились бы. Больница тоже одна. Опять же у нас секреты долго не держатся, и если б был какой грех на ментах, слухи бы уже расползлись по городу. А я ничегошеньки не слышал, хотя больница – место бойкое.

– Тогда вовсе ничего не понятно, – разозлилась я. – А как вообще обстановка в городе?

– Все как у всех, – порадовал Юрка. – Менты крышуют клубы с игральными автоматами, которых вроде бы нет, ну и так, по мелочи... Но Шериф живет не бедно.

– Это что, прозвище?

– Ага. Бандиты, какие были, давно перевелись, – продолжил Юра. – Их с успехом заменяют менты. Вечером можно спокойно пройтись почти везде. Квартирные кражи редкость, народ Шерифа уважает.

– А ты?

– А мне с ним, к счастью, пересекаться не доводилось.

– Как его звать-то?

– Фамилия Колокольцев. Евгений Андреевич, если не ошибаюсь.

– Что ж, – сказала я поднимаясь. – Спасибо тебе. Если вдруг услышишь что интересное...

– Обязательно позвоню, – кивнул он и пошел провожать меня до двери.

Собственно, ничего больше меня в этом городе не держало, можно смело убираться восвояси. Но уже в машине меня посетила еще одна идея: заглянуть в местное отделение полиции. Не скажу, что идея гениальная, учитывая подозрения, что менты к этому делу имеют некое

отношение. Возможно, им действительно работать лень, но могло быть иначе. И вовсе не лень причина суеты, а кое-что посущественнее. В этом случае мое настойчивое любопытство вряд ли придется им по вкусу. Однако я довольно быстро смогла убедить себя, что мое появление особого удивления и беспокойства вызывать не должно. Если уж я способствовала тому, чтобы бомж оказался в больнице, естественно поинтересоваться успехами нашей славной полиции в деле установления его личности.

Недолго думая, я свернула к известному мне зданию и, приткнув машину на парковке, быстро поднялась на крыльцо. Двустворчатая дверь была гостеприимно открыта. Помещение, в котором я оказалась, выглядело образцово. Стены недавно покрасили, потолок сверкал белизной, глаз радовали новенькие стеклопакеты, а линолеум под ногами был чист, несмотря на весеннюю грязь в городе. Просторный холл поначалу показался пустым. Справа комнатенка, отделенная решеткой, две скамейки ждали нарушителей. За стеклянной перегородкой с надписью «дежурный» признаков присутствия этого самого дежурного не угадывалось. Я прислушалась. Тишина. А между тем рабочий день в разгаре. То ли в городе тишь да гладь и менты в кабинетах спят, то ли пребывают в трудах и заботах вне родных стен. Я подошла к стеклянной перегородке, убедилась, что за столом никого нет, и громко откашлялась, надеясь привлечь внимание. Дверь по соседству распахнулась, и появился молодой мужчина в форме, с чашкой чая в руках.

– Вы ко мне? – спросил равнодушно.

– Наверное.

Дежурный занял свое место, с некоторым сожалением отодвинул чашку в сторону и на меня уставился.

– Слушаю.

Я начала объяснять, а он меня разглядывать с недоумением на физиономии. Недоумение все росло, и когда я замолчала, он еще некоторое время смотрел выжидающе, точно сомневался в том, что мой рассказ окончен.

– От меня-то вы чего хотите? – нахмурился он, так и не дождавшись продолжения.

– Я хотела бы знать, кто этот человек. Фамилия, имя... Это удалось установить?

– Зачем вам его фамилия? Он же умер.

– Но фамилия-то осталась?

– Вам-то она зачем? – не унимался парень.

– Возможно, у него есть родственники, они ведь должны знать, что с ним произошло.

– Конечно, должны. Как только мы установим его личность, сразу же им сообщим.

– Значит, пока не установили?

– К нам никто не обращался, – пожал он плечами.

– А если не обратятся, вы что, сами искать не будете?

– Кого? – вздохнул он.

– Родных.

– Девушка, чего вы от меня хотите? – вновь вздохнул он. – Я вашего бомжа знать не знаю...

В этот момент за моей спиной послышались шаги, дежурный вытянул шею и заметно подобрался, я оглянулась и увидела знакомого майора, он шел по коридору в нашу сторону. Взглянул на меня и усмехнулся.

– Опять вы?

– Точно, – не стала я спорить. – А вы здесь какими судьбами?

– Я тут самое главное начальство, – хмыкнул он.

– Местный Шериф? – любопытствовала я.

– Точно, – о своем прозвище он, конечно, знал, а вот то, что его знаю я, ему не понравилось. – Вам понравился наш город, – засмеялся майор.

- Не особенно.
  - Что на этот раз? – Он подошел вплотную, облокотился на стойку, за которой сидел дежурный, и на меня уставился.
  - Хотела узнать, как дела у нашего подопечного...
  - Я объяснил девушке... – начал дежурный, но под взглядом майора примолк.
  - Он умер, – сообщил тот. – Сердечный приступ.
  - Я была в больнице.
  - Не сомневаюсь. Вы очень настойчивая девушка. Кстати, а где ваша сестра?
  - Вы установили личность покойного? – спросила я.
  - Пока нет. Сегодня мне позвонили из управления. Выходит, ваш отец действительно большая шишка?
  - А вы сомневались?
  - Не могу понять, неужели молодой красивой девушке нечем себя занять и она тратит свое время на то, чтоб узнать фамилию какого-то бомжа.
  - Вы-то с этим не спешите, – съязвила я.
  - Занимайтесь своим делом, – посуровел он. – И не учите меня, как я должен выполнять свою работу.
  - Зря вы так, – я выдала свою лучшую улыбку, но ответной улыбки не удостоилась. – Просто меня учили все доводить до конца. И уж если нам довелось встретиться с этим парнем, я хотя бы должна знать его имя.
  - Узнаете, не сочтите за труд сообщить его мне.
  - Это что, шутка? – спросила я.
  - Всего доброго. Не думаю, что мы увидимся вновь. – Он сказал это насмешливо, но все равно прозвучало как угроза.
  - Ничего, – вздохнула я. – Обещаю не переживать. – И направилась к выходу.
- Оказавшись в машине, я выехала с парковки, но почти тут же притормозила, остановилась в сотне метров от отделения. Почему я это сделала, объяснить трудно. Должно быть, сработала интуиция. Вскоре появился майор. Спустился с крыльца, вызвав легкое удивление: он был без куртки, следовательно, покидать рабочее место не собирался. Все оказалось просто. Майор отошел в сторону и стал звонить по мобильному. Разговор был недолгим, и говорил в основном майор. Он хмурился, нервно двигаясь, пять шагов в одну сторону, потом в другую. Чего ж ему в своем кабинете не говорилось? В тишине и уюте? Неужто боится чужих ушей? Много бы я дала, чтоб услышать этот разговор, и почти не сомневалась: он связан с моим настойчивым интересом к покойному. Майор захлопнул мобильный и вернулся в здание, а я завела мотор.
- Вскоре я покинула город, но вместо того чтобы на шоссе свернуть направо, свернула налево. Хотела еще раз взглянуть на то место, где мы чуть не столкнулись с бомжем. Нашла я его без труда, ориентир – две сросшихся сосны в виде буквы V, на которые я обратила внимание в прошлый раз.
- Оставив родное железо на обочине, я совершила увлекательную прогулку и довольно скоро увидела проселочную дорогу, хотя назвать ее дорогой язык не поворачивался, а решить проехать по ней на моей «Ауди» мог только сумасшедший. У меня хватило ума этого не делать. Но ножками прошлась, сколько смогла. Сапоги не жалко. Однако, дважды нырнув в холодную жижу почти по колено, я поняла: пора возвращаться. В ближайшей луже отмыла сапоги от грязи и, устроившись в «Ауди», внимательно рассмотрела карту. Если верить ей, поблизости никаких населенных пунктов. На северо-востоке две деревни, но до них километров двадцать, не меньше. Что здесь делал наш бомж, по-прежнему не ясно. Допустим, он сбежал от полицейских, пока не будем гадать, чем он им досадил и почему они на него осерчали. Но в лесу с какой стати соваться, затеряться куда проще в большом городе. То есть двигать в сторону

областного центра или районного городишки по соседству... на билет у бомжа денег нет, а бесплатно в автобус не посадят. Вся надежда на сердобольных водителей грузовиков. А если он боялся погони и по дороге идти не рискнул, оттого и оказался в лесу и, только почувствовав себя плохо, поспешил на шоссе, ближе к людям? Все вроде логично, но ближайший районный город в другой стороне, а до областного центра он бы лесом двое суток шагал. Если не трое. От Ремизова куда сподручней рвануть в нашу область, тут тебе и крупный населенный пункт рядом с границей, и до областного центра не в пример ближе.

– Что-то не так, – пробормотала я и проехала еще с километр. Здесь тоже оказались проселочные дороги, на шоссе рядом с одной из них даже был указатель «Лесхоз, 5 км». Но, наученная горьким опытом, соваться туда я не стала. Следовало признать: я зря трачу время. Скорее из упрямства я вышла из машины, поглазела по сторонам, а потом отправилась в родной город.

Несмотря на конец рабочего дня, покидать контору, судя по всему, никто не спешил. Девчонки пребывали на своих рабочих местах, дверь в святая святых была закрыта, что означало: сестрицу беспокоить не следовало.

– Где тебя носит? – проявила интерес Ирка, увидев, как я устраиваюсь за столом.

– Дела государственной важности, – ответила я.

– Между прочим, мы весь день точно проклятые...

– Не ворчи, наживешь изжогу и лишние морщины. Оно тебе надо?

– Фенька, ты пофигистка, – влезла Кристина. – У сестры неприятности, а тебе хоть бы что.

– Мысленно я была с вами. Новости есть?

– Нет.

– Ну, нет так нет. Будем работать.

Девчонки дружно фыркнули, а я занялась бумагами. Вера прошла в кабинет сестрицы, и та углядела меня за рабочим столом.

– Явилась? Заходи.

Девчонки проводили меня заинтересованными взглядами. Дождавшись, когда Вера покинет кабинет, я устроилась на диване. Агатка встала, потянулась с хрустом и подошла ко мне.

– Ну?

Я рассказала о знакомстве с Юрой и своем гостевании в морге.

– Повезло. Из всех мужиков в городе под колеса чуть не угодил патологоанатом.

– Так город-то маленький. Сейчас фотографии покажу.

Я подошла к компьютеру, подсоединила к нему свой мобильный, на экране появились фотографии.

– Черт, – буркнула Агата.

– Извини, это, конечно, не фотосессия на Багамах, зато качество неплохое. Обрати внимание на его запястья и щиколотки.

– Его что, связанным держали?

– Юрка говорит, следы от железа.

– Наручники – это понятно. А на ногах что?

– Кандалы.

– Вы там с Юркой на пару приключенческий роман не затеяли писать?

– Мне сейчас не до романов. И Юрику я верю.

– Н-да, – Агатка прошлась по кабинету. – Чудны дела твои, господи...

– Примерно так же я и подумала, когда он о кандалах сказал. Сломанные ребра, ключица... и менты почему-то стараются все это скрыть.

– По-твоему, парню от них досталось? Но кандалы у ментов откуда?

– Вот уж не знаю.
– Черт, Тимоха из головы не выходит, теперь еще и это, – пожаловалась сестра.
– Как думаешь, ты сможешь пережить еще одну новость?
– Валяй.
– Наш майор – начальник тамошней полиции.
– Откуда знаешь?
– Встретились с ним в отделении.
– Туда-то ты зачем поперлась? – рявкнула Агатка.
– Надеялась выяснить, установили личность покойного или нет. Сразу после моего ухода майор звонил кому-то. По мобильному. И почему-то предпочел сделать это на улице.
– Понятно. Кого-то предупреждал. Парня где-то держали, хотя кандалы – это скорее Юркины фантазии. Наш бомж сбежал. Майор и те двое его искали.
– Парочка на ментов не похожа.
– Но интересы у них общие. Что делать собираешься?
– Я? – спросила я с возмущением.
– А кто? У меня другая головная боль – Тимоха. Могу осуществлять общее руководство.
– Вот спасибо. К батю не сунешься, остается бывший. Поговорю с ним. Фотография есть, может, удастся узнать, кто такой этот парень.

Агатка кивнула, посмотрела на часы и сказала:

– Пора по домам. Толку-то здесь сидеть.

Агатка вскоре уехала, а вслед за ней отправилась домой и я. Собралась заскочить в супермаркет за продуктами, тут и позвонил Димка. Я покосилась на дисплей мобильного, хотела звонок проигнорировать, но все-таки ответила:

– Чего тебе?

– Блин, ты не могла бы быть повежливее? – обиделся Ломакин.

– Это у нас семейное.

– Сестра хорошему не научит, – заметил он со вздохом. – Ты где есть-то?

– В машине.

– Пошептаться надо.

– Не надо. Я домой хочу.

– Говорю, надо. Короче, подъезжай на площадь Победы, увидишь мою тачку...

– И не подумаю, – буркнула я, когда он уже отключился, но на светофоре свернула налево и направилась в сторону площади. Пошептаться ему надо... О чем? Первым на ум пришел Стас. Впрочем, иначе и быть не могло. Его присутствие в городе Димке, как и мне, покоя не давало, хоть и по другому поводу. С самим Димкой тоже мало понятного. Еще не так давно мы были недругами, и для этого у Ломакина имелся веский повод. А потом неожиданно для нас обоих мы стали друзьями. Неразлейвода. Виделись мы слишком часто, хотя я и подозревала, что это ни к чему.

Берсенев утверждал, что Димка в меня влюблен. Последнее время и я начала думать так же. И удовольствия это не доставило. Прежде всего потому, что Димка вообще-то мой пасынок, и влюбляться в меня совершенно противоестественно. Опять же, на фига мне его любовь, когда от своей деваться некуда? Но прекратить все это ума не хватило, и мы продолжали таскаться по городу развеселой компанией: Димка со своей симпатией ко мне, я – с разбитым сердцем, Агатка – с неразделенной любовью к Берсеневу, и он сам – тоже с любовью к неведомой мне женщине, на которую страсть как хотелось взглянуть. Полный идиотизм, но при этом все вроде бы довольны.

Димка считал Стаса убийцей своего отца, и разубедить его в этом возможным не представлялось, хотя я и прикладывала немалые усилия. То ли я вру плохо, то ли он по натуре очень неверчив, а тут еще его неровное дыхание в мою сторону. Заведет сейчас бодягу, что мне

от Стаса стоит держаться подальше... Я бы и рада приблизиться, да Стасу на это наплевать. Лучше б я о своем бомже думала, угораздило ответить на звонок.

Димкина машина была припаркована возле магазина «Сувениры», я пристроила свою «Ауди» по соседству и направилась к нему. Плюхнулась на сиденье рядом и сказала:

– Привет.

Димка ткнулся носом в мою щеку и спросил:

– Чего кислая?

– Есть хочу. И спать.

– Не ной, накормлю и спать уложу, прикорнешь на моей груди, вместе встретим рассвет.

– Блин, Дима, отвали, а?

– Я пошутил.

– Ага. В глубине души я умираю от хохота.

– Я сейчас Берсеньева встретил, – посерьезнел он.

– Тоже мне новость.

– Короче, еду, смотрю – Серега идет, – продолжил Ломакин. – Руки в карманах, и такой... сосредоточенный. Я посигналил, а он даже не обернулся. Я машину припарковал и пошел за ним, думаю, пивка выпьем, позади рабочий день... Фенька, он в костел пошел, – заявил Димка и на меня уставился.

– Ну и что? – удивился я.

– Как что? Чего Сереге делать в костеле?

– Ну, не знаю. Молиться, наверное.

– Как хочешь, а меня это тревожит.

– Что тебя это? – поперхнулась я.

– Тревожит, – упрямо повторил он.

– Конечно, Берсеньеву лучше б в баню с девками, – хмыкнула я.

– Может, у него это... неприятности? – нахмурился Димка. – Зачем нормальному мужику идти в такое место? Вдруг случилось чего? Помощь нужна... мы все-таки друзья.

– Собутельники, – поправила я.

– Я серьезно. Он там уже полчаса торчит.

– Ладно, жди здесь, пойду взгляну на этого чудика.

– Только без твоих дурацких шуточек.

– Дима, может, тебе в Армию спасения податься, бомжам похлебку раздавать? – съязвила я.

– А в лобешник не хочешь? – ласково спросил он, я поспешила выбраться из машины и потопала к костелу, удивляясь превратностям судьбы. Все-то в этой жизни вверх ногами. Взять того же Димку: с точки зрения правоохранительных органов и, конечно, моей мамы, по нему тюрьма плачет, а он между тем хороший парень, не раз мне помогал, теперь вот о Берсеньеве тревожится... А этого чего в костел потянуло? Может, не совсем пропащий, совесть все-таки мучает, вот и забрел. А почему в костел? Он что, католик? По пятницам в костеле проходят концерты органной музыки. Не помню, чтобы она Берсеньева интересовала, к тому же сегодня вторник.

Сергей Львович, по моему мнению, человек-загадка, давно сидит у меня в печенках. Страх как хочется узнать, кем он был до того, как превратился в преуспевающего бизнесмена, позаимствовав чужую фамилию и чужую жизнь в придачу.

Я потянула тяжелую дверь на себя, она скрипнула, и я вошла в костел. В помещении царил полумрак, и в первое мгновение я решила, что здесь нет ни души. А потом увидела Берсеньева. Он сидел на скамье вытянув ноги и скрестив руки на груди. Голова запрокинута, он вроде бы потолок разглядывал. Димка называл его Серегой на правах собутельника, Агатка обращалась по имени-отчеству, правда, с некоторой язвительностью, он в долгу не оставался

и звал ее исключительно Агатой Константиновной, я же предпочитала обходиться без имени, потому что точно знала: никакой он не Сергей Львович. И сейчас гадала, стоит его окликнуть или лучше подойти.

– Сколько раз просил, не стой за спиной, – подал голос Берсенев. – Не люблю я этого.

Я подошла и опустилась на скамью рядом с ним. Он молчал, и я молчала. Берсенев не выдержал первым:

– Ты к Всевышнему или решила скрасить мой досуг?

– Скрасить, наверное, – пожалала я плечами.

– И как, по-твоему, я обрадовался?

– Да как-то не очень.

– Ну, так и иди себе с миром.

– Я бы с удовольствием, но Димка волнуется. Думает, у тебя горе большое. Лично я не против, чтобы ты здесь сидел, лишь бы не приставал к господу со всякими глупостями, у него без того дел по горло.

– Я далек от этого, – хмыкнул Сергей Львович.

– Тогда чего тут сидишь?

– В дом господы заглядывают по разным причинам, – нравоучительно изрек он и принялся цитировать: – «Вхожу в мечеть, в час поздний и глухой, не с жадой чуда я и не с мольбой, когда-то коврик я стянул отсюда, а он истерся, надо бы другой». Омар Хайям.

– Догадалась. У меня ж сестрица интеллектуалка, Джойса читает каждый день, еще до завтрака. А тут Хайям... А чего ты собираешься свистнуть? – спросила я, оглядываясь.

– Дура. Просто хотелось подумать в тишине.

– А почему в костеле?

– Потому что здесь есть скамейки, тепло, никто глаза не мозолит, пока ты не явилась. Ладно, потопали. Не стоит нервировать Иисуса своим присутствием.

– Может, у тебя правда неприятности? – спросила я, направляясь к двери.

– Откуда им взяться? – удивился Берсенев. – Моя жизнь легка и безоблачна. Иногда это здорово достает.

– Значит, с жиру бесишься?

– Примерно так.

Мы вышли на улицу, Сергей Львович ухватил меня за плечи, развернул к себе и запечатлел на моем лбу братский поцелуй.

– Привет. Кажется, я в самом деле рад тебя видеть. Как дела?

– Могу рассказать, но оплата почасовая. Я все-таки почти что адвокат.

– Ответ коротко и просто.

– Тогда хреново.

– Бедное сердце любовью томится?

– А это откуда? – удивилась я.

– Сам придумал, – махнул рукой Берсенев.

– Сколько талантов в одном человеке. Им у тебя не тесно?

– Привыкли, научились уживаться. Это тачка Ломакина? – кивнул он на Димкину машину, мой ответ был излишним, Димка выпорхнул из своего джипа и теперь усердно скалил зубы, демонстрируя радость встречи.

– Скажи ему что-нибудь жизнеутверждающее, – посоветовала я. – Это он засек тебя возле костела и позвонил мне с намерением оказать поддержку. Кстати, он назвал тебя другом.

– Забавно, – кивнул Берсенев. – Я успел обзавестись друзьями, так и до женитьбы недалеко...

Мы поравнялись с Димкой, мужчины пожали друг другу руки, а я сказала:

– У него все в порядке, он просто хотел стащить коврик.

Димка сначала нахмурился, досадуя на мою болтливость, а когда речь зашла о коврике, взглянул с недоумением.

– Не слушай ее, – засмеялся Сергей Львович.

– Скажешь, я это выдумала?

– Я просто цитировал классика. Что ж, если мы встретились, может, даме кофе, а мужчинам пиво?

– Хорошая идея, – кивнул Димка. – Куда поедем?

– Тут неподалеку театральное кафе, вполне приличное. – Берсеньев подхватил меня под руку, и мы направились в сторону переулка. Димка шел рядом и время от времени вопросительно поглядывал, я усердно делала вид, что этого не замечаю.

Кафе оказалось уютным, свободный столик для нас нашелся, мы сделали заказ, Берсеньев отправился в туалет, а Димка тут же полез с вопросами.

– Что он сказал?

– Классика цитировал.

– Какого классика?

– Омара Хайяма. – Когда я закончила четверостишие, Димка сурово нахмурился.

– И что? По-твоему, он в самом деле собирался свистнуть коврик?

– Вряд ли, – взглянув на него с большим интересом, ответила я. – Это не следует понимать буквально.

– Ты не могла просто поговорить с ним по-человечески? – зашипел Ломакин. – Без дурацких стихов и прочего?

– Я пыталась. Ты же знаешь его манеру прикалываться. Он обожает двусмысленности.

Тут появился Берсеньев, и нам пришлось сменить тему. Димка с ходу принялся травить анекдоты, решив, что это лучший способ достичь взаимопонимания, а я нет-нет да и поглядывала на Сергея Львовича. Задал он мне загадку этим костелом. Вот бы узнать, что за мысли обретаются в его голове. Выглядел он как обычно, как обычно сокрушительно, я имею в виду. Рядом с ним Димка проигрывал, казался простоватым, хотя в общем-то он у нас красавец. И рост, и стать, и физиономия не подкачала. Взгляд иногда бывает весьма неприятным, но в отношении меня сие большая редкость. Плюс голливудская улыбка. Злые языки болтали, что отвалил он за нее немалые деньги, но я точно знала: это брехня. И взгляд, и улыбка в точности, как у его отца.

Берсеньев ростом ниже, хоть и ненамного, в плечах у€же, и физиономию имел ничем особо не примечательную. Костюмы носил с шиком, но Димка в этом ему не уступал. И все же... Что ж такого особенного в Сергее Львовиче? Одна из тех загадок, которую не терпится разгадать. Неудивительно, что сестрица не может выпроводить его из сердца, я бы на ее месте тоже не смогла. Хотя мое место ничуть не лучше.

Пока я мысленно сравнивала этих двоих без особой надобности, Берсеньев весело ржал, а Димка продолжал сольное выступление. Но тот факт, что человека, которого он называл своим другом, вдруг потянуло в костел, все еще волновал его и даже беспокоил, оттого после второго бокала пива он с анекдотами завязал и ко мне полез.

– Фенька, а ты в церковь ходишь?

– Не хожу.

– Почему?

– Времени нет.

– А в бога веришь?

– Ага. – И я, желая блеснуть, начала декламировать, чтоб Берсеньев не зазнавался и мог быть уверен, у меня на все случаи жизни тоже цитатки найдутся. – Я верю в Иисуса Христа, я верю в Гаутаму Будду, я верю в пророка Мухаммеда, я верю в Кришну и верю в Гареду.

– Правильно, – с серьезным видом кивнул Берсеньев. – На всякий случай разумнее дружить со всеми.

– С Мухаммедом у меня не задалось, – сказал Димка. – Сплошные терки с его почитателями, двигали б они к себе домой и Аллаха своего прихватили. Буддисты мне нравятся, у них все понятно, если туп как дерево, родишься баобабом... Кришнаиты – это те, кто босиком бродят и в барабаны бьют? И в армию им нельзя. По мне, так все дело в этой отмазке. А кто такой Гаруда?

– Птица, – ответила я.

– Глупость какая, – обиделся Димка. – Как можно верить в птицу?

– Ты сам-то во что веришь? – усмехнулась я.

– Я верю, что, если сделаешь пакость, за это обязательно придется отвечать, – сердито заявил Димка, а я вздохнула, поворачиваясь к Берсеньеву.

– Скажи ему, что ты делал в костеле, иначе он достанет богословскими спорами.

– В костеле я прятался от непогоды, – ответил Сергей Львович. – На тот момент это было гораздо лучше, чем кафе: не надо ни с кем разговаривать. Мне нужно было принять решение.

– Какие-то проблемы? – насторожился Димка.

– Никаких, – покачал головой Берсеньев. – Обычная штатная ситуация.

– И часто ты в костел заглядываешь? – серьезно спросил Ломакин.

– Иногда гуляю в лесу, – так же серьезно ответил Сергей Львович. – Но сейчас грязно. У меня полный порядок, – продолжил он. – И мне очень приятно, что вас беспокоит мое душевное состояние, а также мои дела. Ну, так что, выпьем за дружбу?

Мы, конечно, выпили, а я принялась гадать, какой процент правды содержался в словах Берсеньева. Наша дружба ему нужна, как собаке поводок, а вот насчет решения, возможно, и не врал. Интересно, что он затеял? Я углубилась в размышления на этот счет, и тут Берсеньев спросил, обращаясь ко мне:

– Что там с твоими делами?

– А что с ними? – удивилась я.

– Ты охарактеризовала их как хреновые.

– Я уж и забыла, что может быть по-другому.

– То есть они хреновые в обычном режиме, – не отставал Берсеньев. – Или появилось что-то новое?

– Стас нарисовался? – взглянув исподлобья, спросил Димка, у этого только одно на уме.

– Если б он, как ты выражаешься, нарисовался, я бы с вами не сидела и зря время не тратила. – Димка досадливо хмыкнул и отвернулся, а я продолжила: – У меня бомж.

– Какой бомж? – чуть не подпрыгнул Ломакин. – Только не говори, что теперь ты кормишь не бродячих собак, а бродячих мужиков.

– Кормить его без надобности, он умер.

– Слава богу, – скривился Димка, а Берсеньев спросил:

– Он сам умер или помог кто?

– Вообще-то сам и в больнице, но помогли, вне всякого сомнения.

Я принялась рассказывать свою историю, ее выслушали с интересом, но без одобрения.

– Оно тебе надо? – спросил Димка, когда я закончила свой рассказ. – Ясно, что мент при делах. Если не он бомжа сбил, так кто-то из его родни или знакомых. Сбили и уехали с перепугу. А он явился разобраться, что к чему. Тут вас нелегкая принесла...

– Интересная версия, – кивнула я, нахмурившись. – А зачем ему синяки бомжа скрывать?

– Да затем, чтоб дело не заводить. Закопают по-тихому, и нет проблем. А если начнется следствие, неизвестно, чем кончится.

Берсеньев помалкивал, хотя как раз его мнение очень меня интересовало.

– А ты что скажешь? – не выдержала я.

– Скажу, что у тебя мания попадать в истории, а эта скверно пахнет. Тачка мента в грязи была? И бомж из леса на дорогу выбрался. И эти двое на джипе. Они парня по лесу гоняли, а он надеялся от них уйти, вот и вышел на дорогу, заметив вашу машину.

– Зачем им бомж понадобился? – спросил Димка. – Боялись, он заяву накатает, что они ему ребра переломали? Вот уж глупость. Во-первых, до заявления бомжа всем по барабану, во-вторых, заяву все равно этому Шерифу пришлют, чтоб он со своими разбирался. Нечего было огород городить.

Димка, конечно, прав. Я вновь взглянула на Берсеньева.

– Ты сделала фотографии? Отдай их бывшему, уверен, твой бомж совсем не так прост.

Я-то думала, он, как обычно, предложит мне игру в сыщики, собственно, рассказывая свою историю, я именно на это и рассчитывала. Но Берсеньев, похоже, заниматься следствием на сей раз был не расположен. Своих услуг не предлагал, помолчал немного и добавил:

– Будь поосторожней, с ментами связываться не безопасно.

– У меня папа прокурор, – напомнила я.

Мы еще немного потрепались на эту тему, тут Берсеньев взглянул на часы, улыбнулся и произнес:

– Пожалуй, пора по домам.

– Время детское, – удивился Димка.

– У Сергея Львовича сегодня наверняка встреча с брюнеткой или блондинкой, – влезла я. – Он человек с разносторонними интересами.

– Она рыжая, – усмехнулся Берсеньев и расплатился, опережая Димку, оставив весьма щедрые чаевые. Впрочем, он никогда не жадничал. Как-то раз я сказала ему, если верить Карлу Марксу, Берсеньев должен быть кровопийцей и жмотом, как и положено богатеям. Берсеньев усмехнулся и ответил: вся прелесть богатства в том, что ты можешь тратить столько, сколько захочешь, при этом давая заработать другим, в этом случае денежки к тебе непременно вернутся. И что-то загнул насчет того, что деньги – это энергия, причем очень мощная. Уж на что я люблю поумничать, особенно не к месту, но этот даже меня переплюнул.

С Димкой они вечно соревновались в неслыханной щедрости, один предлагал купить мне машину, другой звал на Багамы бизнес-классом. Я, конечно, отказывалась, а надо бы для разнообразия согласиться, может, это отучит их от дурацкого выпендрежа. Хотя вряд ли. Денег и у того, и у другого так много, что они, похоже, просто не знают, что с ними делать.

Мы вышли из кафе и направились в сторону площади, Берсеньев справа, а Димка слева от меня, на этот раз под руку я держала его, а не Сергея Львовича, уже давно заметив, что Димка придает этому значение: вот и пусть радуется, а мне все равно на ком виснуть.

– Где твоя машина? – спросил Димка Берсеньева, поравнявшись со своим джипом.

– На парковке возле театра, – ответил тот.

– Отвезти?

– Пройдусь.

Он поцеловал меня, пожал руку Димке и заспешил на парковку. Димка проводил его хмурым взглядом.

– Чего? – вздохнула я.

– Что-то не так, – покачал он головой. – Я ж чувствую... И костел этот дурацкий.

– Костел нормальный, а будь у Берсеньева неприятности, связанные с бизнесом, ты бы об этом уже знал.

– Это да... – подумав, согласился Димка и выдвинул свежую идею: – Может, он влюбился? Хотя чего тогда переживать? Наоборот, радоваться надо.

– А если ей до Берсеньева дела нет? – съязвила я.

– Ага, – хмыкнул Димка. – Ты сама-то в это веришь?

– По-твоему, он неотразим?

– По-моему, если очень чего-то хочешь, то своего добьешься. Иначе что ты за мужик?

– Бабы вас вконец избаловали, – пробормотала я себе под нос.

– Чего?

– Обнаглел ваш брат, – рывкнула я и направилась к своей машине.

– Фенька! – заголосил Ломакин, а когда я досадливо оглянулась, сказал: – Помяни мое слово, у него проблемы.

Двигая в сторону своего дома, я пыталась решить, разыгралась у Димки фантазия или он все-таки прав? Бизнес для Сергея Львовича лишь прикрытия, вряд ли он всерьез станет из-за него переживать... хотя черт его знает, говорят, хорошо притворяться – значит, почти быть... Но о серьезных проблемах слух бы уже просочился, и Ломакин точно был бы в курсе, с бизнесменами он очень дружен, правда, на свой лад.

Подъезжая к родному подъезду, я уверила себя: дело либо в женщине, в которую Сергей Львович до сих пор влюблен, несмотря на то, что она предпочла ему другого (вот бы Димка удивился, узнай об этом), либо ответ надо искать в его прошлой жизни, мне совершенно неведомой, но, безусловно, далекой от мирных будней. И опасность исходит оттуда... Почему непременно опасность? Черт, я что, за него переживаю? Мне бы радоваться, что мерзавца выведут на чистую воду... я прислушалась к себе и ни радости, ни даже злорадства не обнаружила. А вот беспокойство точно было. Чудеса. Я ж сама хотела докопаться, что он за гусь такой... Предположим, докопалась... и что? Сдала бы его бывшему? Смотря до чего бы докопалась... Ну, дела... Двух убийств, в которых у меня есть все основания подозревать Берсеньева, уже мало? Это у меня с моралью проблемы или его обаяние поистине безгранично? Хотя мне ли его осуждать, у самой рыльце в пушку... И все-таки равнять себя с Берсеневым не хотелось. Этому гаду начхать на то, что он сделал, а я до сих пор ем себя поедом, вот, собственно, вся разница между нами. Наличие и отсутствие раскаяния. Но факт совершенного деяния это не отменяет. Откуда мне знать, может, он тоже себя поедом ест, вот в костел и потащился... Ерунда. Не знаю, что у Берсеньева за проблемы, но в то, что его тревожит больная совесть, поверить невозможно, хотя бы потому, что в ее наличии я очень сомневалась. Приходилось признать: загадал он мне очередную загадку.

Я вошла в квартиру, побродила немного с потерянными видом и направилась к компьютеру. Думать о Берсеневе мне надоело, слишком много чести, а заполнить мозг чем-то надо, не то непременно переключусь на Стаса и начну хандрить. А хандра не к лицу молодой, умной и, безусловно, красивой девушке, которая с оптимизмом смотрит в будущее и все такое... В общем, лучше вернуться к мыслям о бомже, точнее, к его загадочному появлению на лесной дороге. Который день мне не давала покоя наколка на руке мордастого типа «Он видит». Вариации на тему Большого брата? Для парня с его лицом выбор тату довольно неожиданный.

Я набрала в поисковой строке «он видит» и криво усмехнулась. Сносок пруд пруди, но уже через пять минут стало ясно: по большей части они совершенно бесполезны. А я чего ожидала? «Он видит» весьма распространенное словосочетание. Он «видит» то, он «видит» се...

Злясь на отсутствие везения, я просмотрела все ссылки, угробив на это часа полтора. Пока не наткнулась вот на что: «он видит, и видим мы, он знает, и открыл нам, он придет, и мы будем готовы».

– Абракадабра, – фыркнула я, прочитав эту фразу, в первое мгновение решив, что относится она к какому-нибудь опусу в жанре фэнтези. Ничего подобного. Это, оказывается, псалом или что-то вроде того. С робкой надеждой на удачу я открыла ссылку и оказалась на сайте «Братства знающих». Вот так, скромно и со вкусом. На главной странице заставка: глаз, как на американском долларе. Я, признаться, обалдела: неужто удача в самом деле соизволила меня посетить? От глаза исходило сияние, звучала музыка, что-то в стиле нью-эйдж, а приятный мужской голос вещал: «Дорогой друг, уверен, ты заглянул сюда не случайно, и эта наша встреча

была предопределена на небесах, ты шел к ней осознанно или нет, и вот мы наконец встретились».

– Чистое шаманство, – вновь усмехнулась я, от музыки и сочного баритона понемногу впадая в транс. Баритону пришлось заткнуться, а я внимательнейшим образом изучила сайт. Что это за братство такое, через час понятнее не стало. Вроде секты, хотя на первый взгляд все благопристойно. Учат не пакостить, а если сие уж случилось, спешно покаяться. Подобных сайтов в Интернете пруд пруди. Тусуются всякие чудачки... Вскоре появилось кое-что интересное: знающие не просто так предлагали покаяться, а рекомендовали с этим поспешить, потому что топтать грешную землю нам недолго осталось: ожидается конец света. Дата хитро не называлась, но, без сомнения, это случится со дня на день. Тем, кто не хочет остаться в дураках, надлежит забросить свои грешные дела и срочно спасти свою душу, посвятив себя посту и молитве, желательно подальше от цивилизации. Где лучше спастись и как, подробнее могли растолковать отцы-проповедники. Далее следовал столбик имен отцов: напротив каждого имени номер телефона. Всего было семь имен, не так уж мало для захудалой секты или кем они себя там считают. Судя по кодам перед номерами, представлены были семь областных центров, к своему удивлению я обнаружила и родной город, не зная, стоит ли этому радоваться или разумнее загрустить. Номер, кстати, начинался с пятерки, то есть отец-проповедник по имени Константин обрелся где-то неподалеку, в одном со мной городском районе.

Следующая страница вызвала умиление: у тех, кто никак не мог оставить брэнное и замазывать грехи в сельской местности, был шанс спастись, внося посильную лепту в виде пожертвования в братство знающих. Само собой, чем больше жертвований, тем больше шансов, что господь встретит тебя ласково. Господом у нас был Иисус, что, безусловно, порадовало бы Димку, не птица какая-то. В остальном полная белиберда из позаимствованных тут и там постулатов. Само собой, все вышеизложенное являлось истиной, чему сам господь свидетель, только знающим он открыл свои намерения. По этой причине они себя так и именовали. Об истории возникновения этого учения ничегошеньки сказано не было. Решив, что это одно из многочисленных протестантских новообразований, я попыталась разузнать о братстве из иных источников, к нему отношения не имеющих, но тут вышла незадача. Похоже, о братстве никто ничего не знал или попросту его игнорировал.

Потратив еще час, я убедилась, что в перечне протестантских церквей братство не значится. Вернулась на их сайт и заглянула на форум. И вновь удивилась: народу здесь тусовалось немало. Бегло просмотрев с десятков страниц, я начала зевать: вопросы и ответы грешили однообразием. Пару раз показалось, что граждане вообще изъясняются на каком-то своем наречии, мне недоступном. Встречались и занятные места. «Срочно надо покаяться», – писал тип под ником Тихон и получил ответ: «В обычное время». Да, прогресс не стоит на месте. Что ж, общее впечатление: в лучшем случае слегка чокнутые, в худшем – обычное жулье. Несите ваши денежки и все такое скорее свидетельствует в пользу последнего. Хотя ни одна церковь от жертвований не отказывается, так что и эти не хуже других. Ждут конца света, пугая друг друга страшилками, поют псалмы под гитару (псалмы я обнаружила в специальном разделе), точное местонахождение головного офиса или храма (не знаю уж, как правильнее) не указано. Связь держат только через проповедников. Но ведь где-то они должны собираться? Или виртуального общения им более чем достаточно? Вполне в духе времени, кстати. Но если есть номера телефонов, значит, личные контакты предполагаются.

Я побрела в прихожую, где на стене висел телефон, и набрала номер. Время позднее, но истинный проповедник божий должен быть на связи с паствой двадцать четыре часа в сутки.

Длинные гудки, потом включился автоответчик. «Не знаю, кто ты, – елеинно начал очередной сочный баритон, – но уверен, ты позвонил не просто так, ибо нет ничего случайного в этом мире. Если тебя привело к нам горе, мы утешим тебя, если радость – мы разделим ее». –

И далее очень деловито: «Оставьте свое сообщение и номер телефона после сигнала, я вам обязательно перезвоню».

Дождавшись короткого гудка, я с чувством произнесла:

– Здравствуйте, меня зовут Ефимия. У меня тяжелая жизненная ситуация, я бы хотела поговорить... – Тут я дважды всхлипнула для драматизма, поспешно назвала номера своих телефонов и повесила трубку. Постояла в задумчивости, не исключая возможности, что мне перезвонят. Однако спасти мою душу никто не торопился. Я устроилась на банкетке, закинула ногу на ногу, разглядывая потолок.

Допустим, встреченный мною тип с татуировкой имеет отношение к братству, хотя это вилами на воде писано, и парню просто понравилась картинка в салоне тату, а словосочетание «он видит», по мнению мордастого, должно придать его простоватой внешности значительность и некую таинственность. Но если все-таки допустить, что мордастый сделал ее сознательно, являясь преданным приверженцем братства, то все остальное укладывается в очень простую схему. Подобные ему типы редко страдают избытком веры, и в братство его могло привести только одно: желание неплохо устроиться за чужой счет. Усердно оболванивая паству, не худо быть уверенным, что за это не последует наказание, причем дожидаться прихода Иисуса вовсе не обязательно, его вполне могут заменить люди в погонах. В общем, без мордастых в такой организации не обойтись. Они умеют воздействовать добрым словом на внезапно усомнившихся. Скорее всего, наш бомж был одним из таких бедолаг, потому и оказался в наручниках. Задурили парню голову, он внес пожертвование и оказался на лоне природы, возможно, в самом неприятном смысле, то есть без жилья, которое ушло на пожертвование. Очухался, начал возмущаться и нажил перелом ребер. Они могли поселить его в какой-нибудь деревеньке с нулевым количеством жителей – проверенный метод черных риелторов, но парень сбежал, и его бросились искать. Майор, само собой, в доле...

«Складно, – подумала я, меняя позу и переведя взгляд себе под ноги. – Даже слишком. Все проще простого... жаль только, что мои догадки строятся на очень хлипком фундаменте: татуировке, которая может и не иметь к братству никакого отношения. И все-таки «знающими» стоит заняться. А еще встретиться с бывшим, преодолев его сопротивление, и попросить проверить фотографию. Если удастся узнать, кто такой наш бомж, дела пойдут веселее».

Покосившись на телефон, я еще немного потосковала на банкетке и пошла спать.

Утром я отправилась в офис на своей машине и угодила в пробку. Что-то там у моих бывших коллег-коммунальщиков опять прорвало, проспект почти полностью перекрыт, пути отхода запружены страждущими вроде меня. Промучившись с полчаса, я решила бросить машину и добираться пешком. Идея так себе, но все лучше, чем томиться напрасным ожиданием, что вся эта масса сигналящих и истошно матерящихся граждан наконец-то сдвинется с места.

Зазвонил мобильный, я заподозрила, что сестрица меня потеряла, и поспешила ответить. Но звонила вовсе не она, а патологоанатом Юра.

– Привет, – радостно произнес он, а я ему позавидовала: пробок в Ремизове пока нет, и настроение у человека с утра отличное.

– Привет, – отозвалась я, сворачивая в ближайший переулок. К великому сожалению, та же мысль посетила еще с десяток граждан, машины и здесь едва двигались.

– А у меня новость, – сказал Юра. – Бомжа твоего хоронят.

– Когда? – слегка растерялась я.

– Думаю, как раз сейчас и предают земле.

– А почему вдруг такая спешка?

– Ночью в морге случилось короткое замыкание, ну, и как водится, пожар. Слава богу, живые не пострадали. Сторож оперативно среагировал, и пожарные примчались через десять минут. Но все равно уже всю полахало. Пришел я на работу, а она частично выгорела.

– Труп бомжа пострадал?

– Не только он. У нас тут было еще два жмурика. Их спешно выдают родне для похорон, родня в возмущении от вида дорогих и любимых, начальство на нервах. Бомжа отправили на кладбище, потому что хранить его негде, да и, собственно, уже незачем. Вот такие новости.

– Замыкание, случайно, не произошло как раз в том месте, где наш бомж лежал? – спросила я, Юра хмыкнул:

– Догадливая.

– Что ж, не могу сказать, что меня это удивило, – подумав, заметила я.

– Да? А я вот голову ломаю, что происходит? Что это за бомж такой?

– Голову ломай на здоровье, но будь поосторожней, – посоветовала я. – Скажи-ка, ты ничего не слышал о «Братстве знающих»?

– Что за фигня?

– Значит, не слышал. Жаль. Я было подумала, они в вашем городе окопались.

– У нас только братство пьющих и отчаянно дерущихся, в основном в приступе белой горячки. Ладно, пока.

Юрка отключился, но почти сразу мобильный опять зазвонил. На этот раз беспокоила сестрица.

– Я в пробке торчу, – сказала я, предваряя вопрос, где меня черти носят.

– Вижу. Сама следом плетусь. – В зеркале заднего вида я искала машину Агатки, безрезультатно. – Я видела, как ты в переулок свернула, а мне до него еще тащиться минут десять.

– Утро удачным не назовешь, – посетовала я.

– Попробуем дотянуть до супермаркета и бросим машины на парковке, – вздохнула Агатка, предложение показалось дельным.

Когда я наконец добралась до парковки, движение вдруг возобновилось, машины сновали туда-сюда, а я, прибившись к тротуару, ждала сестрицу. Она проехала мимо, махнув рукой, предлагая следовать за ней.

Минут через пять мы выходили на стоянке возле нашей конторы. Агатка была в белом пальто нараспашку, волосы, против обыкновения, рассыпаны по плечам, а не собраны в замысловатый узел на затылке. Минимум косметики и бездна обаяния.

– Классно выглядишь, – сказала я, когда мы поднимались на крыльцо.

– Единственный способ противостоять неприятностям – отправиться к косметологу и на полтора часа попросту на них забить, – хмыкнула она.

– Надо и мне попробовать.

Вера и Кристина уже были на своих местах, а вот Ирка задержалась, и это явилось единственным светлым событием утра. Ирка пунктуальна до идиотизма, а тех, кто подобной манерой не страдал, считала людьми несерьезными и даже бесполезными, о чем заявляла неоднократно и приводила в пример меня. Тут Ирка влетела в приемную и завопила с порога:

– Агата Константиновна!

Сестрица махнула рукой:

– По всему городу пробки... – сняла пальто и кивнула в сторону своего кабинета, обращаясь ко мне: – Идем.

Верка принесла нам кофе, а я спросила:

– Что там с Тимохой?

Агатка досадливо нахмурилась, стало ясно: данной темы лучше не касаться.

– А у меня новости. Бомжа, похоже, похоронили. – Я рассказала о звонке Юры, сестрица слушала не перебивая, при этом вертела чашку в руках, явный признак дурного расположения духа.

– Если замыкание случайность, то из разряда своевременных, – заметила она. – А если нет... чего они пытаются скрыть?

– Чего-то пытаются, – пожала я плечами.

– Ты с бывшим виделась?

– Нет. Звонила пару раз, он ушел в подполье. Очень его задело наше предыдущее расследование.

– В принципе есть и без него к кому обратиться...

– Ну, так обратись. Фотки у тебя в компьютере. Кстати, о компьютере. Помнишь, я заметила у одного из типов татушку на руке?

– Ну... – кивнула Агатка. – Вроде глаз и надпись какая-то.

– «Он видит».

– Он видит? – подняла Агатка брови. – Кто он?

– Ты у меня спрашиваешь? Короче, вчера малость покопалась в Интернете и нашла похожий глаз на главной странице сайта «Братство знающих».

Чтобы особо не утруждать себя рассказом, я включила ноутбук и открыла нужную страницу. Глаз замерцал, баритон замурлыкал. Агатка слушала с завидным терпением.

– Разводилово чистой воды, – сделала она вывод, потратив на изучение сайта минут десять.

– Кто ж спорит.

– И наш бомж на это купился?

– Такое сплошь и рядом.

Агатка кивнула и задумалась.

– Все вроде бы ясно, – проворчала она. – Но эта ясность и смущает. Смерть не криминальная. Ну, выяснили бы, кто такой наш бомж, заодно узнали, что был в какой-то секте. Лишился кровных сбережений и начал бомжевать. Да кому до этого дело? Сектанты эти заявят, что ничегошеньки у него не просили, там, как правило, орудуют далеко не дураки.

– Он был для них чем-то опасен, – заметила я. – Оттого и оказался в кандалах. Мало того, после его кончины ничего не изменилось, то есть повод для беспокойства у них остался. Поэтому парня и поспешили похоронить. Уверена, опознать его сегодня утром было практически невозможно, и не удивлюсь, если выяснится, что никто из ментов запечатлеть его светлый образ до пожара не потрудились.

Агатка потерла нос:

– А ты не увлеклась? В конце концов, проводка могла замкнуть, знаю я эти районные больницы, проводку лет пятьдесят никто не менял, денег на это никогда не было и, как видно, не будет. И как, скажи на милость, могут быть связаны доморощенные деятели от религии и майор полиции?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.